

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Институт фундаментальных и прикладных исследований
Центр теории и истории культуры
МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК (IAS)
Секция гуманитарных наук Русского отделения
МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
Центр тезаурусных исследований

ТЕЗАУРУСНЫЙ АНАЛИЗ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Сборник научных трудов
Выпуск 23

**Под общей редакцией
профессора Вл. А. Лукова**

**Москва
2012**

УДК 009(001/2)(001/8)(008)

ББК 71в6+83.3(0)+60

Т 29

*Выполнено по проекту
«Тезаурусный анализ в гуманитарном знании»
(грант Российского гуманитарного научного фонда № 12-33-01055)*

*Печатается по решению
Института фундаментальных и прикладных исследований
Московского гуманитарного университета
и Русского отделения Международной академии наук
(IAS, Австрия)*

Т29 Тезаурусный анализ мировой культуры : сб. науч. трудов. Вып. 23 / под общ. ред. Вл. А. Лукова. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2012. — 79 с.

В сборнике публикуются материалы научного симпозиума, проведенного на базе Московского гуманитарного университета 18 августа 2012 г.

УДК 009(001/2)(001/8)(008)

ББК 71в6+83.3(0)+60

*Ответственный редактор
заслуженный деятель науки РФ,
доктор филологических наук,
профессор Вл. А. Луков*

© Авторы статей, 2012.

© МосГУ, 2012.

НАУЧНЫЙ ПРОЕКТ «ТЕЗАУРУСНЫЙ АНАЛИЗ В ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ»

Вл. А. Луков

Проект «Тезаурусный анализ в гуманитарном знании» был разработан в Центре теории и истории культуры Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета и в 2012 г. был поддержан Российским гуманитарным научным фондом (проект № № 12-33-01055) на период с 2012 по 2014 г.

Руководитель проекта — доктор филологических наук, профессор Вл. А. Луков, директор Центра теории и истории культуры Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета. В основную группу исполнителей вошли работающие в Московском гуманитарном университете молодой доктор социологических наук Д. Л. Агранат, кандидат социологических наук С. В. Луков, аспиранты МосГУ С. Г. Биченко, А. Д. Ретунских, Е. А. Шустова, а также представители Гуманитарного института телевидения и радиовещания имени М. А. Литовчина кандидат философских наук М. В. Луков и студентка выпускного курса факультета режиссуры В. Д. Эвальдье. Предполагается пригласить к сотрудничеству в проекте докторантов, аспирантов, магистрантов, студентов ряда вузов.

Содержание научно-исследовательского проекта определяется решением актуальной проблемы, которой является теоретическая разработка методологии тезаурусного анализа. В переходный период рубежа XX–XXI веков гуманитарные науки испытали глубокий кризис, который мало затронул частные исследования, но в сильнейшей степени сказался в сфере методологии этих наук. С середины 1980-х годов методологический кризис стал заметен в отечественной науке, причем он все возрастал по мере отказа от марксистской методологии, несколько десятилетий господствовавшей в научном знании. Но было бы неверно связывать методологический кризис только с науками в России. На Западе в это же время постепенно занял ведущие позиции, составил парадигму современного знания постмодернизм. Одна из его особенностей — отрицание методологии как необходимого стержня научных исследований. По-

стмодернизм с его неразличением центра и периферии с особой силой сказался в гуманитарных областях. Присущая ему свежесть взгляда на привычное (деконструкция) оказалась привлекательной и для отечественных исследователей, на сегодня в диссертациях по гуманитарным наукам методология исследования чаще обосновывается ссылками на известных западных постмодернистов, чем на отечественных ученых, что закономерно: наши современные теоретики стараются обходить методологические вопросы, разочаровавшись и в марксизме, и в постмодернизме. Тезаурусный подход, появившийся в отечественной науке в последнее десятилетие XX века, но имеющий весьма основательную предысторию, призван преодолеть кризис методологии гуманитарных наук. В более узком смысле он позволяет по-новому посмотреть на классику и на современность в их конкретных аспектах и образцах.

Отрасль знаний при применении тезаурусного анализа культуры, человека и общества сама по себе становится актуальной сферой проблематизации. Тезаурусный подход, как показали уже проведенные исследования, применим в культурологии, социологии, филологии, философии культуры, психологии, педагогике, методике преподавания в высшей школе и в других науках, что, с одной стороны, делает его общегуманитарным методологическим инструментом, а с другой — выявляет существенный культурный процесс современности, а именно: сближение гуманитарных наук, делающее границы между ними зыбкими и легко преодолимыми, движение к комплексному исследованию предметов этих наук и, в конечном счете, все большее их позиционирование как единого гуманитарного знания. Исследовать эти процессы — актуальная проблема науки.

Задача проекта состоит в осмыслении концептуальных оснований применения тезаурусного анализа к различным областям гуманитарного знания (в первую очередь к культурологии, социологии, филологии). Авторы проекта считают, что проблема теоретической разработки методологии тезаурусного анализа и исследование сближения гуманитарных наук в ключе тезаурусного анализа гуманитарного знания — задачи, решение которых под силу только коллективам, в частности объединенным в научные школы (эту задачу, тоже актуальную для организации науки, тоже призван решать данный проект).

Научной новизной обладают такие стороны проекта, как теоретическое развитие тезаурусного подхода как методологического

инструмента гуманитарного знания; теоретическая разработка тезаурусного анализа как определенной исследовательской системы на основе тезаурусного подхода; применение тезаурусного анализа к исследованию различных объектов гуманитарных наук, раскрывающее специфику использования тезаурусного анализа в конкретных исследованиях; создание и обеспечение функционирования научной школы тезаурусного анализа в гуманитарном знании, аналогов которой по проблематике в науке нет.

Основной метод и основанным на нем подход, используемый в работе по проекту, — тезаурусный подход. Лежащая в основе этого подхода концепция тезауруса как субъектно организованного гуманитарного знания — то есть таким образом организованного, что оно соответствует месту и роли субъекта в окружающем мире и позволяет ему этот мир постигать, ориентироваться в нем и менять его, а заодно развивать и собственные потенциалы, — дает свою трактовку человеческой активности, сближающуюся с рядом философских, социологических, культурологических, антропологических теорий нашего времени, но и отличающуюся от них. Систематизация данных в тезаурусе строится не от общего к частному, а от своего к чужому. Все новое для того, чтобы занять определенное место в тезаурусе, должно быть в той или иной мере освоено (буквально: сделано своим). Этот методологический ключ дополняется другими методами (сравнительно-историческим, системно-структурным, историко-теоретическим и др.).

Общий план работы предусматривает исследовательскую работу по общим вопросам и частные исследования, раскрывающие в своей конкретике концепцию тезаурусного анализа гуманитарного знания; научно-организационную работу по созданию ядра научной школы тезаурусного анализа мировой культуры; подготовку рукописей монографий и статей, их частичное опубликование; участие в научных конференциях с докладами; работу методологического семинара.

Концепция тезаурусного подхода оформилась в конце 80-х — начале 90-х годов, хотя неосознанно тезаурусный анализ применялся и раньше (например, в трудах представителей Пуришевской школы литературоведения, прежде всего — Н. П. Михальской). Затем начинается быстрый рост тезаурусных исследований — в социологии (научная школа социологии молодежи МосГУ — Вал. А. Луков,

А. И. Ковалева, позже Д. Л. Агранат, А. Г. Русанова, С. В. Луков, А. В. Луков и др.), культурологии (Вл. А. Луков, Т. Ф. Кузнецова, А. А. Останин, М. В. Луков, А. Н. Иванов), филологии (Н. В. Захаров, И. В. Вершинин, С. Н. Есин, А. Б. Тарасов, Н. В. Соломатина, А. Б. Щербаков), философии культуры (Ч. К. Ламажаа, Е. В. Мошняга, Б. Н. Гайдин), эстетике (И. А. Подвойская, Т. М. Кирюхина), искусствоведении (В. М. Монетов, Ю. М. Литовчин), экономике (В. А. Гневашева). Закрепление позиций тезаурусного подхода было осуществлено в 2008 г. в фундаментальном исследовании: Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. М. : Изд-во Национального института бизнеса, 2008. Оно было высоко оценено в рецензиях философов П. С. Гуревича, Ю. А. Ищенко, философа и культуролога А. В. Костиной, культуролога и искусствоведа Е. Н. Шапинской, литературоведа В. П. Трыкова, социологов И. С. Болотина, С. И. Григорьева и других авторитетных специалистов в области гуманитарного знания¹. Центр тезаурусных исследований сложился в Московском гуманитарном университете, в нем все большую роль начинают играть молодые исследователи как этого, так и других вузов, поэтому насущной стала задача объединения поколений исследователей в научную школу вокруг проблемы «Тезаурусный анализ мировой культуры», базой для реализации этой задачи стала работа над выпусками одно-

¹ См.: Гуревич П. С. [Рец. на кн.:] Луков Валерий, Луков Владимир. Тезаурусы. Субъектная организация гуманитарного знания. М., 2008, тир. 1000 экз., 784 с. // Эдип. 2008. №3 (6). С. 165–166; Костина А. В. Книга Вал. А. и Вл. А. Луковых «Тезаурусы» и формирование новой парадигмы гуманитарного знания // Тезаурусный анализ мировой культуры: Сб. науч. трудов. Вып. 16 / под общ. ред. Вл. А. Лукова. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2008. С. 82–97; Костина А. В. Теоретические проблемы современной культурологии: Идеи, концепции, методы исследования. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008. 288 с. (Глава 14. Тезаурусный подход как новая парадигма гуманитарного знания, с. 234–247); Костина А. В. Тезаурусный подход как новая парадигма гуманитарного знания // Обсерватория культуры. 2008. № 5. С. 102–109; Болотин И. С. Тезаурусы как инструмент преподавателя // Высшее образование в России. 2009. № 5. С. 169–172; Ищенко Ю. А. Размышления над книгой: Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. М. : Изд-во Национального института бизнеса, 2008. 782 с. // Знание. Понимание. Умение. 2009. №3. С. 262–268; Григорьев С. И. [Рец. на кн.:] Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. М. : Изд-во Национального института бизнеса, 2008 // СоцИс. 2009. №10. С. 154–155. (подпись: Иванов-Маринин С.); Шапинская Е. Н. Образ Другого в текстах культуры. М. : КРАСАНД, 2012. [С. 146–148, о «лит. портрете» О. Уайльда в «Тезаурусах»].

именной серии сборников научных трудов, выходящих в Московском гуманитарном университете при поддержке Международной академии наук (IAS, Австрия) и Международной академии наук педагогического образования².

Тезаурусный анализ — отечественная методология, но она становится все более известной в различных странах мира. Так, ряд польских исследований по социологии создан на основе этого подхода. Высокую оценку тезаурусным исследованиям дает Международная академия наук (IAS, Австрия). Работы по тезаурусному анализу, выпускаемые в МосГУ, собирают Библиотека Конгресса США (Вашингтон), библиотека Пекинского университета. Материалы, освещающие тезаурусный подход, опубликованы в научных изданиях Австрии, Польши, Финляндии и других стран. Приоритет здесь все равно остается за Россией.

Ряд участников проекта уже опубликовали существенные работы по тезаурусному анализу гуманитарного знания по итогам осуществленных в последние годы исследований. Коллектив включает в свой состав и одного из создателей тезаурусного подхода³, и ученых, внесших свой вклад в развитие этого подхода, и молодых

² См.: Тезаурусный анализ мировой культуры : Сб. науч. трудов / под общ. ред. Вл. А. Лукова. Вып. 1–22. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2005–2011.

³ Публикации руководителя проекта Вл. А. Лукова (автор и соавтор): Луков Вл. А. История литературы : Зарубежная литература от истоков до наших дней М. : Академия, 2003. 6-е изд. 2009; Луков Вл. А., Останин А. А. Дизайн : Культурологическая интерпретация : науч. моногр. М. : Нац. ин-т бизнеса, 2005; Луков Вл. А., Соломатина Н. В. Феномен Уайльда : науч. моногр. М. : Национальный ин-т бизнеса, 2005; Луков Вл. А. Европейская культура Нового времени : Тезаурусный анализ : науч. моногр. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006; Луков Вл. А. Теория персональных моделей в истории литературы : науч. моногр. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006; Луков Вл. А. Русская литература : генезис диалога с европейской культурой : науч. моногр. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006; Луков Вл. А. Предромантизм : науч. моногр. М. : Наука, 2006; Луков Вл. А., Захаров Н. В., Гайдин Б. Н. Гамлет как вечный образ русской и мировой литературы : моногр. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2007; Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусы : Субъектная организация гуманитарного знания : науч. моногр. М. : Изд-во Национального ин-та бизнеса, 2008; Луков Вл. А. Французский неоромантизм : моногр. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2009; Захаров Н. В., Луков Вл. А. Шекспир, шекспиризация : моногр. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2011; Луков Вл. А. История культуры Европы XVIII–XIX веков. М. : ГИТР, 2011; Луков Вл. А. Академик Д. С. Лихачев и его концепция теоретической истории литературы : моногр. М. : ГИТР, 2011; Захаров Н. В., Луков Вл. А. Гений нам века : Шекспир в европейской культуре : науч. моногр. М. : ГИТР, 2012; и др.

ученых, осваивающих тезаурусную методологию⁴. У коллектива есть опыт публикации статей в ведущих рецензируемых журналах⁵,

⁴ Публикации членов авторского коллектива: Биченко С. Г. Романтическая ирония в философии // Знание. Понимание. Умение. 2012. №2. С. 319–322; Луков С. В. Диалог организационных культур в сфере высшего гуманитарного образования России и Германии. М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2009; Луков С. В., Погорский Э. К. Болонский процесс как реакция на американизацию высшего образования // Знание. Понимание. Умение. 2010. №3. С. 62–66; Ретунских А. Д. Мета-герой: тезаурусный анализ романов Луи-Фердинанда Селина «Путешествие на край ночи» и «Смерть в кредит» // Тезаурусный анализ мировой культуры : сб. науч. трудов. Вып. 22 / под общ. ред. Вл. А. Лукова. М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2011. С. 50–61; Луков М. В. Обыденная культура и культура повседневности // Знание. Понимание. Умение. 2005. №3. С. 199–203; Луков Вл. А., Луков М. В., Луков А. В. Сюрреализм во французской художественной культуре // Знание. Понимание. Умение. 2011. №3. С. 173–181; и др.

⁵ Помимо названных выше публикаций участников проекта здесь могут быть названы публикации руководителя проекта, среди них: Луков Вл. А. Мировая литература как предмет научного исследования: историко-теоретический и тезаурусный подходы // Филология и человек. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2007. №1. С. 7–13; Луков Вал. А., Луков Вл. А. Россия и Европа: диалог культур во взаимном отражении литератур // Знание. Понимание. Умение. 2007. №1. С. 124–131; Луков Вал. А., Луков Вл. А. Парадигмы воспитания: от «войны тезаурусов» к «диалогу тезаурусов» // Вестник Международной Академии Наук (Русская секция). 2007. №1. С. 68–72; Луков Вл. А. Пушкин: русская всемирность // Знание. Понимание. Умение. 2007. №2. С. 58–73; Луков Вл. А. Мировая драматургия // Знание. Понимание. Умение. 2007. №2. С. 229–231; Луков Вл. А. Гамлет: вечный образ и его хронотоп // Человек. 2007. №3. С. 44–49; Луков Вал. А., Луков Вл. А. Зигмунд Фрейд: идеи тезаурусного подхода // Философия и культура (журн. Ин-та философии РАН). 2008. №1. С. 156–175; Луков Вл. А. Культурология объектная и субъектная // Знание. Понимание. Умение. 2008. №1. С. 72–79; Луков Вл. А. Мировая литература в контексте культуры: новые подходы к исследованию // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2008. №1. С. 64–69; Луков Вл. А. Литературные концентры Европы в предпочтениях русского культурного тезауруса // Знание. Понимание. Умение. 2008. №3. С. 18–23; Луков Вл. А., Захаров Н. В. Культ Шекспира как социокультурный феномен // Вестник Международной Академии Наук (Русская секция). 2008. №1. С. 65–68; Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусный подход в гуманитарных науках // Сибирский педагогический журнал. 2008. №1. С. 105–113; Луков Вал. А., Гневашева В. А., Захаров Н. В., Луков Вл. А., Луков С. В., Намлинская О. О. Социальные и культурные ценностные ориентации молодежи // Alma mater. 2008. №2. С. 46–56; Захаров Н. В., Луков Вл. А. Шекспир и шекспиризм в России // Знание. Понимание. Умение. 2009. №1. С. 98–106; Луков Вл. А., Кирюхина Т. М. Композиция // Знание. Понимание. Умение. 2009. №1. С. 251–254; Луков Вл. А. Нина Павловна Михальская // Филологические науки. 2009. №6. С. 118–120; Вершинин И. В., Луков Вл. А. Предромантизм: новое в литературной эстетике // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11. №4 (6). С. 1519–1527; Луков Вл. А. Шекспир в русском культурном тезаурусе // Знание. Понимание. Умение. 2010. №1. С. 254–257; Луков Вл. А., Трыков В. П. «Русский Бодлер»: судьба творческого

а также опыт в успешном осуществлении проектов по грантам РГНФ, в выступлениях на международных конференциях.

Подведем некоторые итоги.

В проекте на материале совокупности гуманитарных наук, образующих современное гуманитарное знание, разрабатываются теоретические вопросы применения тезаурусного подхода — одного из новейших методологических подходов, разрабатываемого в отечественной науке и получившего в настоящее время широкое признание в научном сообществе. Интегрированный результат применения тезаурусного подхода в проекте определяется как тезаурусный анализ. Авторы проекта исходят из того, что тезаурусный анализ может быть успешно применен в ряде гуманитарных наук, прежде всего в культурологии, социологии, филологии, а также педагогике, психологии и других областях знаний. Центр разработки тезаурусного подхода в настоящее время находится в Институте фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, где складывается научная школа «Тезаурусный анализ мировой культуры». Проект призван внести вклад в оформление этой перспективной научной школы, закрепление результатов ее деятельности на российском и международном уровнях. Особое внимание в проекте уделяется возможностям реализации молодыми

наследия Шарля Бодлера в России // Вестник Международной Академии Наук (Русская секция). 2010. №1. С. 48–52; Луков Вл. А. Народная культура и цивилизационная культура // Знание. Понимание. Умение. 2010. №2. С. 268–271; Луков Вл. А. Образование: перспективы для XXI века // Совет ректоров. 2010. №10. С. 31–36; Луков Вл. А. Возможности культурологии как парадигмы гуманитарного знания // Знание. Понимание. Умение. 2011. №1. С. 68–71; Захаров Н. В., Луков Вл. А. Культ Шекспира: Теория и всемирные масштабы // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 13. 2011. №2. С. 148–154; Луков Вал. А., Луков Вл. А., Захаров Н. В. Ценностные ориентации российской молодежи в свете теории ценностей // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. №2 (121). Февраль. С. 19–26; Луков Вл. А., Захаров Н. В., Кислицын К. Н. История культуры в тезаурусном освещении // Знание. Понимание. Умение. 2011. №2. С. 293–296; Захаров Н. В., Луков Вл. А. Русский шекспиризм // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 13. 2011. №2. Ч. 3. С. 661–666; Луков Вл. А., Луков М. В., Луков А. В. Сюрреализм во французской художественной культуре // Знание. Понимание. Умение. 2011. №3. С. 173–181; Луков Вл. А. Харизма ученого как фактор концептуализации гуманитарного знания // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филология и искусствоведение. 2011. №3(2). С. 8–13; Луков Вл. А. Тезаурусный «парадокс Элиота» и понятие «взаимоотражение» в художественной культуре // Знание. Понимание. Умение. 2012. №1. С. 26–33; и др.

исследователями своего инновационного теоретического потенциала, овладению ими новейшими методами теоретического осмысления гуманитарного знания.

ПРИНЦИП ТЕЗАУРУСНОГО РАСШИРЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО МЕЖКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Вал. А. Луков, С. В. Луков

Теория тезаурусного подхода в основных своих положениях разработана основательно в рамках научной школы Московского гуманитарного университета⁶. Ее важные характеристики, касающиеся социокультурных феноменов Происходящего (термин И. М. Ильинского⁷), детально изучены в исследованиях Вл. А. Лукова, Н. В. Захарова, Т. Ф. Кузнецовой, В. П. Трыкова и многих других исследователей на материале литературного процесса и культурного функционирования шедевров мировой литературы⁸. В ряде работ показано, что тезаурусный подход продуктивен для современной социологии, соци-

⁶ См.: Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусы : Субъектная организация гуманитарного знания. М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2008.

⁷ См.: Ильинский И. М. Между Будущим и Прошлым : Социальная философия Происходящего. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006; Его же. Прошлое в Настоящем : Избранное. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2011.

⁸ См.: Луков Вл. А. Тезаурусный «парадокс Элиота» и понятие «взаимоотражение» в художественной культуре культур // Знание. Понимание. Умение. 2012. №1. С. 26–33; Захаров Н. В. Шекспиризм русской классической литературы: тезаурусный анализ. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2008; Кузнецова Т. Ф. Картина мира в научном тезаурусе // Тезаурусный анализ мировой культуры : сб. науч. трудов. Вып. 7. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. С. 28–34; Трыков В. П. Ранний этап журналистской деятельности Марселя Пруста: тезаурусы литературы и журналистики // Тезаурусный анализ мировой культуры : сб. науч. трудов. Вып. 9. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2007. С. 52–73.

альной психологии, культурологии, культурной антропологии, теории социального проектирования⁹.

Исследования Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета показали, что тезаурусный подход дает ориентиры для осмысления диалога организационных культур как в общем виде, так и применительно к конкретным сферам, например, к интерпретации социокультурного содержания Болонского процесса в сфере высшего профессионального образования¹⁰. В частности, проясняется возможность наложения несовпадающих структур образования в аспекте достижения определенной интеграции передаваемого новым поколениям знания, а точнее — всего комплекса культурной ориентации, включенной в «триаду Ильинского» — знание-понимание-умение, где в современной социокультурной ситуации особое значение приобретает компонент «понимание»¹¹.

Тем не менее некоторые важные стороны тезаурусной теории нуждаются в развитии и прояснении. Обратимся к тем из них, которые связаны с наблюдаемыми феноменами повседневной жизни и могут быть обозначены как тезаурусные расширения. Эта тема поднята в новейшей работе по тезаурусному подходу Н. В. Захарова и Вл. А. Лукова¹². Здесь выделена часть, обозначенная авторами как «тезаурусное расширение» применительно к теме Шекспира и шек-

⁹ См.: Агранат Д. Л. Социализация личности в военизированных организациях: проблемы нормы и отклонения. М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2010; Костина А. В. Теоретические проблемы современной культурологии : Идеи, концепции, методы исследования. М. : Либроком, 2009; Ламажаа Ч. К. Тезаурусный подход для тувиноведения // Знание. Понимание. Умение. 2012. №2. С. 38–45; Луков Вал. А. Теории молодежи : Междисциплинарное исследование. М. : Канон +, 2012.

¹⁰ См.: Луков С. В. Диалог организационных культур в сфере высшего гуманитарного образования России и Германии : науч. монография. М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2009; Луков С. В. Сотрудничество вузов России и Германии в аспекте диалога организационных культур // Знание. Понимание. Умение. 2009. №4. С. 162–166; Диалог организационных культур в создании общеевропейского пространства высшего образования : Реализация принципов Болонского процесса в международных образовательных программах с участием России : монография / С. В. Луков (рук.), Б. Н. Гайдин, В. А. Гневашева, К. Н. Кислицын, Э. К. Погорский. М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2010.

¹¹ См.: Ильинский И. М. К читателям журнала «Знание. Понимание. Умение» // Знание. Понимание. Умение. 2004. №1. С. 5–7.

¹² См.: Захаров Н. В., Луков Вл. А. Гений на века : Шекспир в европейской культуре. М. : ГИТР, 2012.

спиросферы. Но мы видим здесь, во-первых, отражение общего принципа повседневной жизни тезаурусов и, во-вторых, поле для теоретического развития тезаурусного подхода, которое пока скорее обозначено, чем последовательно осмыслено и описано. В указанной работе авторы демонстрируют, как понимают тезаурусное расширение, через структуру отнесенных к этой части работы тематизмов, но не дают теоретического представления вводимого понятия «тезаурусное расширение». Мы изложим свое видение тезаурусного расширения применительно к индивидуальному межкультурному пространству.

Простые наблюдения за Происходящим позволяют задаться вопросом об устойчивости и динамике изменений тезауруса. Наше недавнее посещение Эрмитажа, Русского музея, Исаакиевского собора и некоторых других достопримечательностей Санкт-Петербурга показало привычную картину: среди посетителей значительную часть составляют иностранцы, что вполне соответствует организационной стороне межкультурного туризма¹³. В этой привычной картине все же обращает на себя внимание то, что из иностранцев большинство составляют не французы или немцы, для которых в городе на Неве много узнаваемых культурных маркеров, исторических и социокультурных параллелей, свидетельств единства культурной жизни на протяжении веков — в общем, единства культурных тезаурусов на макро- и микроуровнях социальности. Наибольшее число замечаемых «своими» «чужих» — японцы. С точки зрения тезаурусной концепции их даже можно бы обозначить термином «чуждые» в силу большого различия культурных кодов и художественных практик у русского (или даже европейца) и японца. Однако живой интерес японских туристов к тому, что они видят в русских музеях, стремление запечатлеть на видео и фото не только богатые интерьеры залов, но и произведения искусства великих и менее известных авторов (а также сопровождающие их информационные таблички), стояние в очередях к «Мадонне с младенцем» и «Мадонне Лите» Леонардо да Винчи и т. п. вызывают уважение к самим воспринимающим субъектам, каковыми являются в данном случае японские туристы. Это обстоятельство настолько привычное, что ему уже не придают какого-то особого значения, и любознатель-

¹³ См.: Мошняга Е. В. Концептное пространство межкультурной коммуникации в системе международного туризма : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2011.

ность японцев — такой же признак нации в восприятии русских, как дисциплинированность немцев при переходе улицы. Между тем, в нем могут быть найдены и поводы для проблематизации в аспекте тезаурусного подхода.

В чем мы их видим? Прежде всего, нельзя не обратить внимания на то, что тезаурус человека формируется в определенной социокультурной среде и становится принудительным и стимулирующим средством для отбора воспринимаемых естественных и культурных импульсов, идущих от другой среды обитания. Система мембран, обеспечивающих контроль над информацией из повседневности¹⁴, блокирует воздействие культурных кодов, не соответствующих родной социокультурной среде. Но при определенных условиях посторонняя (в смысле таких родных кодов) информация прорывает мембраны тезауруса и проникает в ориентационный комплекс, занимая в нем определенное место. Важно в теоретическом аспекте установить, (1) что же это за условия и (2) какими способами может быть прорвана плотина, установленная тезаурусом как раз для того, чтобы блокировать такие прорывы внешней информации.

Условия тезаурусного расширения индивидуального межкультурного пространства могут быть теоретически выведены из трактовки тезауруса как полного систематизированного свода освоенных социальным субъектом знаний, существенных для него как средство ориентации в окружающей среде, а сверх этого также знаний, которые непосредственно не связаны с ориентационной функцией, но расширяют понимание субъектом себя и мира, дают импульсы для радостной, интересной, многообразной жизни. «Тезаурусы, таким образом, представляют собой *субъектно организованное гуманитарное знание*»¹⁵. Из этого определения следует, что в тезаурусе уживаются (1) знания, существенные в аспекте ориентации в жизненной среде, т. е. в конечном счете вырастающие из необходимости выживания — сохранения жизнеспособности индивида и рода, и (2) знания, ценность которых связана с известной автономностью субъекта от объективных условий жизни. В этой второй группе мотивация добывания, хранения, использования знаний несколько иная, чем в первой. На передний план выхо-

¹⁴ См.: Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусы : Субъектная организация гуманитарного знания. С. 136.

¹⁵ Там же. С. 67.

дит потребность субъекта в самоидентификации, а потому существенным становится понимание жизни в ее неутилитарных проявлениях, любопытство в отношении такого «чужого», что не заменяет и не подрывает основ «своего», что может обогатить Происходящее многообразием и новыми впечатлениями, которые, вполне возможно, в каких-то ситуациях перейдут в состав утилитарных знаний (например, в условиях вынужденной миграции), но этот мотив обычно не осознается и находится в тени.

С учетом этого пропускаемая через мембраны тезауруса информация должна быть: а) не рутинной — в смысле отличия от рутинности Происходящего, относимого к «своему»; б) не опасной для целостности тезауруса, в) имеющей в наличном жизненном опыте зацепки, позволяющие трансформировать и приспособлять информацию к сложившейся у субъекта картине мира.

Поясним эти условия.

Преодоление рутины Происходящего — важное для субъекта намерение, обеспечивающее активизацию познавательного инструментария, поддержание его готовности для применения при надобности. «Свое» по необходимости рутинизируется, его однообразие нуждается в постоянном снятии многообразием. В этом может быть обнаружена обоснованность идеи непрерывного образования как источника снятия рутины «своего». Фактически это распространенная в мировой философской и педагогической литературе позиция относительно того, как и чему учить молодое поколение. Таково, например, положение в наброске Дж. Локка «Об управлении разумом» (1669), который должен был составить дополнительную главу в IV книге «Опыта о человеческом разумении»: «Задача образования... заключается... не в том, чтобы дать молодежи совершенное знание одной из наук, а в том, чтобы дать такое развитие и предрасположение их уму, которое в наибольшей мере сделало бы их способными к любой науке, когда они самостоятельно ею займутся. Если люди в течение долгого времени приучаются лишь к одному роду или методу мышления, их ум коснеет в нем и нелегко переходит к другому. Поэтому я думаю, что для того, чтобы сообщить им эту свободу, следует заставить их ознакомиться со всеми родами знания и упражнять их разум во всем разнообразии и обилии знания»¹⁶. Это по-

¹⁶ Локк Дж. Об управлении разумом // Локк Дж. Сочинения : в 3 т. Т. 2. М. : Мысль, 1985. С. 234.

ложение может быть применено не только к обобщениям о воспитании молодежи, но и к пониманию механизмов саморегуляции тезауруса на протяжении всей жизни человека или человеческого сообщества. Правда, в этом случае следует иметь в виду не только освоение наук, но и весь спектр жизненных практик (интеллектуальных, чувственных, волевых). Кроме того, не принимать следующей за цитированными строками оговорки Локка, а именно: «Но я рекомендую здесь не разнообразие и обилие самого знания, а разнообразие и свободу мышления, усиление способностей и активности души, а не расширение ее владений»¹⁷. В отношении саморегуляции тезауруса было бы приемлемым и то и другое, т. е. существенно как разнообразие, так и обилие «самого знания».

Целостность тезауруса должна быть защищена им самим от экспансии чужеродных элементов. Вероятно, в этом — назначение тезаурусных мембран. Но важно увидеть, что такие мембраны стоят на пути не любого нового знания, а того, которое может быть опасным для целостности *ядра тезауруса*, которое составляет картина мира¹⁸. В своей основе тезаурус примитивен и не обладает широкой вариацией нюансов (в этом утверждении мы продолжаем линию А. А. Зиновьева в его анализе примитивности социальных законов¹⁹). Но, по мере обогащения жизненного опыта человека и особенно развития интеллектуального потенциала, над примитивным основанием тезауруса вырастают конструкции, не позволяющие ориентационную функцию тезауруса реализовывать в простейшем черно-белом исполнении.

Можно согласиться с Гегелем, который обращал внимание на то, что «разделение — по одну сторону добро, по другую зло — уже не существует в таком виде с тех пор, как возрастающая образованность поколебала противоположные определения»²⁰. В контексте наших рассуждений, образованность ослабляет тезаурусную функцию ориентировать субъекта в жизненной среде. Из этого следует и растущая опасность для целостности тезауруса нового знания, которое в меньшей степени, чем это характерно для духовно и интел-

¹⁷ Локк Дж. Указ. соч. С. 234.

¹⁸ См.: Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусы : Субъектная организация гуманитарного знания. С. 90.

¹⁹ См.: Зиновьев А. А. Глобальный человек. М. : Алгоритм ; Эксмо, 2006. С. 290.

²⁰ Гегель Г. В. Ф. Философия права. М. : Мысль, 1990. С. 196.

лектуально неразвитой личности или для примитивного общества, сдерживается тезаурусными мембранами.

Соответственно, важным условием следует признать наличие в тезаурусе *иммунитета к «чуждой» информации*. Этот иммунитет, как нам представляется, имеет форму адаптации такой информации к сложившейся у субъекта картине мира на основе наличного жизненного опыта. В этом опыте важно увидеть зацепки, позволяющие трансформировать и приспособлять информацию к конфигурации тезаурусного ядра.

Эти три условия при видимости их простоты достаточно сложно обеспечить, если на помощь не привлечены другие условия, из которых особенно существенны: а) наличная ситуация — естественно возникшая или сконструированная субъектом; б) рационализация жизненной траектории; в) целевая установка на культурную провокацию.

Наличная ситуация во многом определяет и то, как осуществляется тезаурусное расширение индивидуального межкультурного пространства, и то, каким будет результат такого расширения для целостности тезауруса и его функционирования. Ситуация как структурная типовая модель реализуется в событиях. Эти события могут возникать стихийно, вне контроля субъекта. Природные катаклизмы, войны, смена общественного строя и т. п. макроуровневые изменения в жизненном пути отдельного человека ему неподвластны, к ним необходимо адаптироваться, а значит — привести в соответствие с ними ориентирующую функцию тезауруса. Но ситуации могут создаваться и целенаправленно, конструироваться самим субъектом. В этом случае ситуация (и соответствующие ей события) основываются на тезаурусе инициатора.

Рационализация жизненной траектории выступает как условие тезаурусного расширения индивидуального межкультурного пространства в том отношении, что подчиняет во многом хаотичный процесс тезаурусного накопления сознательному регулированию. Если наличная ситуация характеризуется формулой «здесь и сейчас», то рационализация жизненной траектории развернута во времени и соединяет Прошлое, Настоящее и Будущее.

По своему содержанию такая рационализация может быть осмыслена по аналогии с *энумерацией* по Декарту. В его понимании «энумерация, или индукция, — это исследование всего того, что от-

носится к какому-либо предложенному вопросу, настолько тщательное и точное, что на основании его мы можем с достоверностью и очевидностью заключить, что нами ничего не было пропущено по недосмотру; так что, если искомая вещь и останется скрытой от нас после того, как мы применили эту эnumerацию, мы по крайней мере станем более сведущими в том отношении, что твердо уясним: эта вещь не могла быть найдена никаким известным нам путем; и если, как часто бывает, мы случайно сумели бы обзреть все пути, которые открыты к ней людям, то можно было бы смело утверждать, что познание ее превосходит все способности человеческого ума»²¹. Декартовское положение разработано в связи с необходимостью обзреть внутренним взором длинные цепи, каждое последующее звено которых предопределено предыдущим, но связь в пределах целого ускользает от познающего субъекта. Декарт оговаривает и возможность заблуждения в применении такой познавательной процедуры. Но в тезаурусном аспекте и при этих ограничениях и сомнениях эnumerация по Декарту (а это иной, нежели аристотелевский, взгляд на индукцию) представляется интересной мыслительной операцией, направленной на достижение полноты исходной информации и полноты способов ее обработки.

Нечто аналогичное эnumerации происходит и тогда, когда жизненные траектории подвергаются самопознающим субъектом рационализации, которая связана с проектированием желаемых состояний будущего и подчинением случайных обстоятельств определенному жизненному плану.

Наконец среди условий тезаурусного расширения индивидуального межкультурного пространства выделим *целевую установку на культурную провокацию*. Таковой установкой мы предлагаем считать намерение субъекта испытывать свой тезаурус на прочность путем создания ситуаций, способных вызвать культурный шок. В принципе под эту трактовку можно подвести любые автопровокационные действия субъекта, например, практики экстрима в политике, спорте, художественном творчестве и т. п. Но при широком понимании культуры как «второй природы» эта оговорка и не нужна.

В известной мере установка на культурную провокацию обладает свойствами, аналогичными поддержанию в активном состоянии

²¹ Декарт Р. Правила для руководства ума // Декарт Р. Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1989. Т. 1. С. 97–98.

иммунной системы. Кроме того, важно учитывать противоречивость воздействия культурных систем на индивида, которая выражается в неравной результативности такого воздействия. Исследования популярной культуры показали, например, что насилие на телевидении в одних случаях провоцирует агрессивное поведение потребителей соответствующих продуктов, а в других порождает катарсис и становится основанием для преодоления агрессии²². При этом существенно то, что агрессивность вовсе не является только негативным и осуждаемым действием, отношение к нему в обществе увязывается с характером конкретных ситуаций и не подлежит нормативному запрету как таковому. И в нашем случае провокационность может быть осмыслена как двумерное или даже многомерное условие взаимодействия с «чужими» и «чуждыми» элементами социокультурных феноменов, межкультурных коммуникаций и расширения жизненного опыта индивида, впрочем, как и группы.

Обозначенные выше условия тезаурусного расширения индивидуального межкультурного пространства могут быть представлены как матрица:

	наличная ситуация	рационализация жизненной траектории	целевая установка на культурную провокацию
преодоление рутины Происходящего			
безопасность для целостности тезауруса			
опора на наличный жизненный опыт в трансформации и приспособлении новой информации к имеющейся картине мира			

На пересечении строк и столбцов матрицы могут быть обозначены конкретные сочетания условий тезаурусных расширений.

Второй вопрос, которым мы задались в начале данной работы, состоял в том, *какими способами* может быть достигнуто тезаурусное

²² См.: Шапинская Е. Н. Очерки популярной культуры. М. : Академ. проект, 2008. С. 164.

расширение, если тезаурус оберегает себя от прорыва внешней информации. Мы выделяем следующие способы достижения этой цели: а) конструирование и переконструирование социокультурной реальности; б) культивирование толерантности к иному; в) диалог культур.

Специфика *конструирования и переконструирования социокультурной реальности* состоит в том, что таковая реальность объективна для действующего субъекта лишь в определенной мере и в определенных аспектах. Как показали авторы социально-философской и социологической концепции социального конструирования реальности П. Бергер и Т. Лукман, человек активно преобразует реальность путем ее субъективного конструирования: «Социология знания понимает человеческую реальность как реальность социально конструируемую»²³.

Эта идея соотносится прежде всего с реальностью повседневности. Переосмысленная на разных теоретико-методологических платформах, концепция Бергера-Лукмана оказалась исключительно плодотворной и получила широкое признание.

Есть смысл ее увидеть и в связи с другой, более поздней идеей Бергера, раскрытой им в книге «Еретический императив» (1979). Здесь он трактует ересь как выбор и показывает, что если раньше ересь (выбор) была маловероятной возможностью, то в современном обществе это необходимость, пронизывающая все жизненное пространство, происходит, таким образом, переход от судьбы к выбору²⁴. С точки зрения социального конструирования реальности этот переход существен: он делает такое конструирование тотальным и общепринятым (общедоступным, общедобряемым) социокультурным действием. Этим, среди прочего, преобразуется процесс тезаурусного расширения в культурной сфере, которое строится как легитимное (в смысле нормативной приемлемости) расширение возможностей выбора на высоком уровне его вариативности.

Культивирование толерантности к иному также становится делом не только тех или иных культурных, политических или профессиональных групп, но достаточно распространенной установкой массового сознания в странах с высоким уровнем жизни. В контек-

²³ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности : Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. С. 9.

²⁴ См.: Berger P. The Heretical Imperative : Contemporary Possibilities of Religious Affirmation. N. Y. : Doubleday, 1979.

сте современного либерализма это — культурная норма²⁵. В отношении тезаурусного расширения терпимое отношение к другим культурным феноменам лежит в основе преодоления фильтрующего действия мембран, размывания критичности в адрес «чуждого».

Еще одну технологию преодоления барьеров самозащиты тезауруса можно увидеть в реализации *диалога культур*. Суть такой технологии состоит в том, что взаимодействие культур через их диалог не предполагает культурной ассимиляции, поглощения одной культуры другой. Тезаурусное расширение обеспечивается только в пределах лучшего знания и понимания чужой (и даже чуждой) культуры, но не сопровождается освоением и принятием ее кодов. Представитель каждой культуры остается в таком диалоге самим собой и при своих позициях.

Диалог культур не равен толерантности, которая предполагает снисходительность, а по сути безразличие к иному. Здесь действует правило равенства сторон, признания равной и высокой ценности каждой из культур. На этом основании и происходит тезаурусное расширение индивидуального межкультурного пространства, которое, тем не менее, далее будет переформатировано в пользу «своей» культуры — по аналогии с действием социально-психологического механизма ингруппового фаворитизма.

Таковы, по нашей версии, условия и способы тезаурусного расширения индивидуального межкультурного пространства. Важно увидеть в этих условиях и способах множество, из которого выбираются важные для того или иного индивида элементы, соответствующие его ценностной ориентации и общественным ожиданиям. Если в традиционном обществе и происходит означенное расширение, то оно не составляет основы повседневной социальной и культурной жизни. В наше время движение к информационному обществу с сетевой структурой отношений индивидов по необходимости ведет к тезаурусному расширению индивидуального межкультурного пространства. Вот почему данный процесс может быть обозначен как *принцип* строительства и функционирования тезауруса, а его выявление в жизненном потоке Происходящего — как важная составная часть тезаурусного анализа мировой культуры.

²⁵ См.: Шалин В. В. Толерантность : (Культурная норма и политическая необходимость). Краснодар : Периодика Кубани, 2000.

Итак, тезаурусное расширение представляет собой процесс обнаружения, обработки и переработки субъектом новой информации с целью ее включения в тезаурус. Этот процесс может порождаться (1) высокой степенью неопределенности актуальной ситуации, которая не может быть необходимым образом проинтерпретирована субъектом на основе имеющихся в тезаурусе сведений и познавательных средств (технологий). Но он может и (2) сознательно организовываться как реализация установки на саморазвитие субъекта.

Тезаурусное расширение индивидуального межкультурного пространства отражает и первую и вторую адаптационные стратегии. Но адаптационность здесь не обязательно пассивна: тезаурус наращивается новыми смыслами и их связями. В информационном обществе индивидуальный путь расширения межкультурного пространства легко переходит в характеристику социальной сети, которая может становиться и доминантой тезауруса на уровне большой социальной группы.

**НАУЧНЫЕ ИДЕИ,
РОДСТВЕННЫЕ ТЕЗАУРУСНОМУ ПОДХОДУ**
Статья 2: Зиновьев, Анохин, Судаков

Вал. А. Луков, Вл. А. Луков

На протяжении многих лет в научном знании формировались подходы, близкие к тезаурусному. Некоторые из них получили широкое признание. В статье 1 (Тезаурусный анализ мировой культуры: Вып. 22) мы осветили несколько таких концепций (концепция социального конструирования реальности Питера Бергера и Томаса Лукмана; концепция габитуса Пьера Бурдьё; теория фреймов Ирвинга Гофмана; теория структуризации Энтони Гидденса; концепция социальных практик Юргена Хабермаса). В статье 2 речь пойдет о концепциях отечественных ученых — А. А. Зиновьева (идея человеиника), П. К. Анохина и К. В. Судакова (идея взаимодействия компонентов функциональных систем). При характеристике рассматриваемых в статьях концепций мы не стремились к полноте, а определяли их

ядро или тот аспект, в котором видится переключка с тезаурусным подходом, отсюда использование в отношении рассматриваемых теорий, концепций понятия «идея».

Идея человекника (А. А. Зиновьев)

Понятие-метафора «человекник» введено выдающимся русским философом, социологом, писателем А. А. Зиновьевым. Его многообразные таланты наложили отпечаток на понятийную систему его логической социологии и предопределили, с одной стороны, его поворот к теоретическим конструкциям, которые, казалось бы, давно ушли в область истории науки (организмизм и др.), а с другой, разработку новых тем или новых аспектов тем гуманитарных наук, которые в итоге составили теорию общества с высоким прогностическим потенциалом и в то же время далекую от концептуальных схем и понятийных систем современной социологии, несущей на себе явные следы трактовок мира в категориях западной его версии (что особенно характерно для американской социологии).

Социологическая концепция А. А. Зиновьева — плод его многолетних размышлений, анализа социальной реальности, понимания человека в обществе. Окончательную форму она приобрела в последние шесть лет его жизни — в период работы в Московском гуманитарном университете, где Александр Александрович вел занятия в Школе Зиновьева. По материалам читавшегося в МосГУ курса А. А. Зиновьев подготовил и опубликовал (в двух изданиях) свою «Логическую социологию», ее темы вошли и в «Фактор понимания». Ранее оформившееся в рамках зиновьевского учения об обществе понятие «человекник» здесь раскрыто в его главных характеристиках. Автор иногда оговаривает соответствие своего авторского понятия «человекник» принятому в гуманитарных науках понятию общества²⁶, но это делается скорее для простоты понимания предмета разговора. В «Логической социологии» и «Факторе понимания» он подчеркивает, что объединениями людей такого типа, которые он называет

²⁶ См., например: Зиновьев А. А. Фактор понимания. М. : Алгоритм; ЭКСМО, 2006. С. 221.

человеиником, являются не все человеческие объединения. Признаки человеиника, по Зиновьеву, таковы:

а) члены человеиника живут совместно исторической жизнью, воспроизводя себе подобных людей;

б) вступая в регулярные связи с другими членами человеиника, они живут как целое;

в) в составе целого их характеризует разделение функций и, соответственно, различие занимаемых позиций (частью — идущих от природных различий, но прежде всего в силу условий человеиника); совместными усилиями члены человеиника обеспечивают его самосохранение;

г) человеиник занимает и использует определенное пространство, в пределах которого обладает автономией внутренней жизни, которую поддерживает и защищает от внешних угроз;

д) человеиник обладает внутренней идентификацией, то есть «его члены осознают себя в качестве таковых, а другие его члены признают их в качестве своих», а также внешней идентификацией, то есть «люди, не принадлежащие к нему, но как-то сталкивающиеся с ним, признают его в качестве объединения, к которому они не принадлежат, а члены человеиника осознают их как чужих»²⁷.

Ориентационный комплекс, представленный в пункте «д», содержит прямую параллель с тезаурусной концепцией. Однако было бы недостаточным утверждать лишь это, особенно с учетом того, что человеиник у Зиновьева не только понятие (каковых оно предстает прежде всего в «Логической социологии» и затем в «Факторе понимания», но и концепт, что особенно заметно в зиновьевском научно-художественном творчестве. Человеиник оказывается богат смыслами, которые выдвигаются на передний план там и тогда, где и когда наступает их час.

Обратим внимание: когда у Зиновьева в его научных трудах и повестях появляется слово «человеиник», то это не просто сращение «человека» и «муравейника» — достаточно естественная связь по аналогии, часто применяемая на бытовом уровне. Придавая неологизму понятийный (а мы бы еще раз уточнили — концептный) характер, Зиновьев закрепляет за ним смысл, который разрушает

²⁷ Зиновьев А. А. Фактор понимания. С. 200. См. также: Зиновьев А. А. Логическая социология / 2-е изд., испр. и доп. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2003. С. 54–55.

естественную аналогию. В «Глобальном человеинике» (социологически-футурологической повести, по определению автора) Зиновьев пишет: «...наш человеиник отличается от муравейника тем (среди прочих признаков), что в нем во всех частях, во всех сферах, во всех разрезах, во всех подразделениях, на всех уровнях структуры, всегда и во всем идет ожесточенная борьба между “человьями”, прикрываемая и сдерживаемая, но одновременно обнажаемая и поощряемая всеми достижениями цивилизации»²⁸. Не без сарказма Зиновьев замечает (глядя глазами героя повести из будущего), что ученые доказали большую устойчивость общества врагов, соблюдающих правила вражды, в сравнении с обществом друзей, нарушающих правила дружбы.

Можно было бы возвести этот дополнительный оттенок человеиника в гоббсовскому «человек человеку волк» либо рассмотреть в ряду концепций XX века (от агрессивных концепций геополитики до соответствующих аспектов теорий повседневности²⁹), но этим бы суть зиновьевской теории общества не становилась бы яснее, а обращение к идее «челоиника» в связи с тезаурусным подходом было бы и вовсе непонятным.

Выделим основные позиции социально-философской и социологической теории Зиновьева, непосредственно относящиеся к проблематике, которая имеет значение и для тезаурусной концепции.

1. *Проблема исходных элементов бытия человека.* Особенность трактовки Зиновьевым сущностей, составляющих краеугольные камни человеческого бытия, состоит в том, что он видит в них не высшие истины, требующие и заслуживающие постижения как того, что должно прояснить смысл жизни, а, напротив, простые, примитивные и даже пустые основания, которым сложность и краски видимого бытия придает их нагромождение, комбинаторика. Зиновьев устами героя «Глобального человеиника» утверждает, что чем пустее и примитивнее эти конечные элементы некой подлинности, тем грандиознее и ярче вырастающая на их основе видимая цивилизация. «Подлинность, скрывающаяся за видимым спектаклем бытия, оказывается ничуть не подлиннее

²⁸ Зиновьев А. А. Глобальный человеиник. М. : Алгоритм; ЭКСМО, 2006. С. 19–20.

²⁹ Например, у Бурдьё говорится о «коллективной повседневной борьбе» (Бурдьё П. Начала. *Choses dites* / пер. с фр. Н. А. Шматко. М. : Socio-Logos, 1994. С. 185).

самой видимости. Видимость отбросила подлинность куда-то на задворки бытия, завоевав статус подлинности. И наоборот, чем грандиознее и ярче становится видимая оболочка нашей цивилизации, тем серее, пустее и ничтожнее становятся ее основания»³⁰.

Оставим в стороне авторскую дистопическую³¹ установку и отнесемся к Зиновьевскому размышлению как к констатации закономерностей, свойственных человеческому способу восприятия действительности и более того — ее конструированию в формах знания (то есть переведем обсуждение в русло тезаурусной тематики). В этом случае мы увидим каркас тезауруса как довольно примитивную в своей простоте дихотомию «свой-чужой», способную, разумеется, обрастать усложненными формами знаниевой дифференциации и многослойной, многокрасочной, многозначной картиной мира. Но это усложнение формы, во-первых, не мешает первоэлементам тезауруса оставаться тривиальными, во-вторых, означает, что при определенных обстоятельствах (в рамках определенных событий) усложненные формы освобождаются от флера культуры (образованности, интеллигентности, высокого художественного вкуса и т. д.) и выступают наружу в неприглядном виде грубости, цинизма, пошлости и т. д. Если принять трактовку сущностных оснований человеческого бытия за исходную, образование и распадение тезаурусных конструкций оставят намного меньше неясностей.

2. *Проблема внутреннего мира человека.* Парадоксальным образом переосмысливается Зиновьевым и проблема внутреннего мира человека, которая возвышается, так сказать, алтарем гуманистики: к ней в конечном счете направлены поиски таинств человеческой души и оснований человеческого духа.

³⁰ Зиновьев А. А. Глобальный человек. С. 290.

³¹ Дистопии в отличие от утопий рисуют негативный образ будущего. Но это и не антиутопии, где такой образ — результат последовательного применения мер по усовершенствованию общества, превращения его в идеальное за счет тотального контроля над личностью (как у Е. И. Замятина в романе «Мы» или Дж. Оруэлла в романе «1984»). Дистопии выводят образ будущего не из отрицательных последствий для человека идеальной социальной организации, а из негативных тенденций, обнаруживаемых сегодня: экологического кризиса, преступности, войн, биологической и психической деградации человека под воздействием наркотиков и т. д. В таком дистопическом духе предстает мир середины XXI века в «Глобальном человеке» Зиновьева.

Зиновьев же с безжалостностью мизантропа утверждает: «Наш мир есть мир величин, причем — величин огромных. Отдельный человек с его индивидуальной судьбой исчезает в этих величинах как безликая единичка не просто в нашем субъективном восприятии и описании реальности, а фактически, в самой объективной реальности. Тут не индивидуальные личности складываются в большие величины — в тысячи, миллионы и миллиарды, а безликие величины распадаются на столь же безликие единички. Личностей тут вообще нет»³². С точки зрения тезаурусной концепции аргументация этого тезиса Зиновьева, представленная в «Глобальном человекнике», заслуживает особого внимания, поскольку она приоткрывает завесу над действительным строем тезаурусных конструкций, освоенных в массах людей.

Зиновьев устами Ала, центрального персонажа «Глобального человекника», отражающего авторский взгляд на мир, замечает: «Когда мыслители пишут и говорят о внутреннем мире человека, то сыплются имена Аристотеля, Платона, Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэля, Гойи, Данте, Рабле, Шекспира, Бальзака, Достоевского, Толстого, Моцарта, Бетховена, Канта, Гегеля, Ньютона, Кампанеллы, Руссо и т. д. и т. п. Потом в ход идет статистика — сколько выпускается книг, фильмов, видеокассет и т. д., сколько имеется писателей, художников, артистов, музыкантов, ученых, профессоров и т. д. Создается впечатление, будто каждый человек таит в себе все эти духовные богатства и является потенциально Аристотелем, Платоном, Шекспиром, Данте, Достоевским и т. д. Но вот анализ “овеществленных душ” миллионов образованных и культурных людей показал, что 95 процентов из них потребляло продукты духовного производства вообще без единой мысли в голове, а у 5 процентов еле шевелились мыслишки, да и то такие, каких они не высказывали вслух... Наш мозг развивался вовсе не для создания богатств внутреннего мира, а лишь для борьбы за богатства мира внешнего»³³. Демистификация человеческого знания существенна для теоретического осмысления тезауруса, который лишь в аспекте *субъектной культурологии* может ассоциироваться с миром высших достижений человеческого творчества. В сфере обыденности, повседневности было бы

³² Зиновьев А. А. Глобальный человекник. С. 45.

³³ Там же. С. 35.

большим преувеличением возлагать на «среднего человека» ответственность за культурную неразвитость и духовное убожество. Сама идея неразвитости и убожества может обсуждаться только в условиях известного консенсуса относительно культурной нормы, а точнее — императивного характера социальной нормы относительно культурного эталона личности. По большей части такого рода императивы — порождение тоталитарных тенденций в государстве и обществе, и лишь в некоторых сферах (в частности, в образовании, профессиональной подготовке специалистов) они приемлемы и имеют практический смысл.

Собственно, сама постановка данного вопроса исторически изменилась, и парадокс внутреннего мира человека, вскрываемый Зиновьевым, стал актуален в отношении людских масс (а не отдельных сословий) относительно недавно. Русский философ отмечает: проблема человека как личности выдвинулась как проблема социальная со второй половины XX века, поскольку именно тогда впервые появилась возможность для формирования людей как индивидуализированных личностей не в порядке исключения, а в массовых масштабах. Но, добавляет Зиновьев, одновременно вступили в силу факторы, исключающие реализацию этой возможности. С одной стороны, у отдельных народов «Я» стало играть заметную роль в их менталитете и в итоге возникла Я-цивилизация, которая развила сверх всякой меры самомнение людей и потребность у них становиться индивидуализированными личностями. С другой, таковая потребность самим фактом множественности испытывающих ее людей «исключает возможность удовлетворения этой потребности для подавляющего большинства из них»³⁴.

3. *Проблема переконструирования людьми условий своего бытия.* Зиновьев утверждает, что «люди сами в какой-то мере приспособливают условия своего бытия к своим качествам, — люди определенного типа создают соответствующий их характеру тип СО³⁵ (социального строя). Тут зависимость двусторонняя»³⁶. Это утверждение только по видимости легко принять, и Зиновьев подчеркивает, что оно не только не общепризнано, а вообще отвергнуто:

³⁴ Зиновьев А. А. Глобальный человек. С. 41–42.

³⁵ Под аббревиатурой СО Зиновьев имеет в виду социальную организацию (Зиновьев А. А. Фактор понимания. С. 219).

³⁶ Зиновьев А. А. Фактор понимания. С. 227.

«Признание роли человеческого фактора в формировании и развитии социальных систем является табу и расценивается как расизм»³⁷. Иными словами, Зиновьев отвергает идею социального порядка как строительство универсальной формы, в идеале соответствующей любому народу, любому «Мы». В своем роде утверждение русского социолога есть аналогия гипотезы Сепира-Уорфа, представленной не в лингвистической, а в социально-философской своей ипостаси. Если верно, что средства языка определяют для его носителя границы и каналы восприятия мира, то верно и то, что накопленный народами опыт социальной и культурной жизни задает схемы восприятия и освоения окружающего мира. Собственно, в этом же духе строятся теория фреймов И. Гофмана, теория структуризации Э. Гидденса, теория габитуса П. Бурдьё и др. Особенность взгляда Зиновьева состоит в том, что свое понимание вопроса он связывает с динамикой образования и распада «Мы» как результата длительной социобиологической эволюции. «В этом процессе происходило одновременно распадение первичного «Мы — Я» на множество «Я» и образование нитей, связывающих их в «Мы». У различных народов развивались различные формы «Я» и «Мы», а также различные формы их взаимоотношений»³⁸. Наиболее существенно то, что в этом процессе за человеком остается активная функция воздействия на создания других, что в западной социологии обычно оказывается на заднем плане. По Зиновьеву, «человек должен чувствовать, что он занимает определенное место в сознании других людей, причем место, с его точки зрения, адекватное его собственным представлениям о себе. Он должен ощущать, что он не является излишним, что другие не являются полностью индифферентными к нему. И он сам должен ощущать потребность в других людях. Последние должны занимать адекватное место в его сознании»³⁹. Это положение Зиновьев рассматривает в качестве закона, причем закона, наиболее очевидного и осознаваемого в таком качестве. В этом взаимодействии с другими субъект и производит переструктурирование действительности. Если у Бергера и Лукмана социальное конструирование реальности это прежде всего ментальный процесс и особое знание о реальности, то у Зиновьева речь идет и о самой реальности как таковой,

³⁷ Там же.

³⁸ Зиновьев А. А. Глобальный человек. С. 346.

³⁹ Там же.

переструктурирование которой под воздействием субъекта происходит не только в его голове, но и объективно.

Собственно, и ментальная сфера у Зиновьева понимается достаточно широко, чтобы захватывать и этот объективный аспект мира. Функции менталитетной сферы Зиновьев классифицирует, выделяя три главных: 1) разработка, хранение и навязывание людям определенного мировоззрения и определенной системы ценностей (оценок); 2) вовлечение людей в определенные действия, касающиеся их сознания, принуждение к этим действиям; 3) контроль за мыслями и чувствами людей и организация их на такой контроль в отношении друг друга»⁴⁰. Назначение менталитетной сферы русскому мыслителю видится в том, чтобы контролировать и регулировать внешние влияния, ограничивать или вообще исключать их. «Насколько это удается практически, настолько это характеризует степень эффективности ментальной сферы»⁴¹.

Зиновьевский человек — экзотичен только в первый момент, в его более детальной разработке обнаруживаются свойства, которые хорошо объясняют многообразие проявлений общественных свойств людей, причем не только (и не столько) на уровне повседневных контактов узкого круга лиц, но и на маркосоциальном уровне, и на уровне оценки свойств и процессов в сверхобществах. Для тезаурусной концепции существенны позиции Зиновьева относительно обозначенных выше тем. Возможно, более всего учет зиновьевских идей важен при трактовке тезаурусного подхода как субъектной культурологии, где предстоит на теоретическом уровне преодолеть диссонанс между шедеврами культуры и высшими достижениями человеческого духа, с одной стороны, и ничтожностью культурного бытия множества людей, с другой.

Идея взаимодействия компонентов функциональных систем (П. К. Анохин, К. В. Судаков)

Нельзя не отметить в качестве значимой для развития тезаурусной концепции теорию функциональных систем, выдвинутую выдающимся отечественным физиологом, учеником

⁴⁰ Зиновьев А. А. Логическая социология. С. 116.

⁴¹ Там же. С. 117.

И. П. Павлова П. К. Анохиным⁴² и развитую его последователями, и прежде всего К. В. Судаковым⁴³.

По Анохину, функциональной является та система, которая сформирована для достижения заданного полезного результата (целевой функции) в процессе своего функционирования. Так ученым был поставлен вопрос применительно к биологическим системам еще в 1932–1933 гг. Впоследствии теория функциональных систем доказала свою универсальность по крайней мере в отношении живых организмов и их объединений (биоценозов, биот, социокультурных сообществ и т. п.). Кроме того, как отмечает К. В. Судаков, теория функциональных систем, предложенная П. К. Анохиным, «позволила с новых позиций представить голографический принцип организации процессов жизнедеятельности...»⁴⁴.

Немаловажно, что в период увлечения системным подходом в СССР (конец 1960-х — начало 1970-х годов) П. К. Анохин критически оценил попытки некоторых авторов характеризовать систему упрощенно, сводя ее к «комплексу взаимодействующих компонентов». По Анохину, такие трактовки банальны и ничего не дают для продвижения научного знания вперед («...взаимодействие

⁴² См.: Анохин П. К. Биология и нейрофизиология условного рефлекса. М. : Медицина, 1968; Его же. Философские аспекты теории функциональной системы : Избр. труды. М. : Наука, 1978; Его же. Кибернетика функциональных систем : Избр. труды. М. : Медицина, 1998.

⁴³ См.: Судаков К. В. Рефлекс и функциональная система / Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. Новгород, 1997; Информационные модели функциональных систем / под общ. ред. К. В. Судакова, А. А. Гусакова. М. : Фонд «Новое тысячелетие», 2004; Sudakov K. V., Glazachev O. S. Functional Systems Theory Development in Anokhin's Scientific School : Applied Aspects for Health Diagnostics and Health Recreation // Science without Borders. Transactions of the International Academy of Science H&E / Ed. Board: Y. T. Lee (Honorary Chairman) etc. Innsbruck, 2006. Vol. 2. P. 42–59.

⁴⁴ Судаков К. В. Системокванты — основа голографического построения живых существ // Вестник Международной академии наук (Русская секция). 2007. №2. С. 6. Одна из особенностей голограммы состоит в том, что каждая составляющая ее элементарная единица отражает ее целостный образ (там же. С. 7). К. В. Судаков на основе проведенных экспериментов показывает, что системокванты в живых организмах (дискретные системные процессы от формирования любой потребности до ее удовлетворения) проявляются на гомеостатическом и поведенческом уровнях (там же. С. 8). Вполне возможно, что последующее развитие тезаурусной концепции покажет применимость системоквантов и голографического принципа, вытекающих из теории функциональных систем, и к пополнению, конструированию и функционированию тезаурусов.

частей организма даже для начинающего исследователя является аксиоматическим фактором жизни», — замечал Анохин по этому поводу)⁴⁵.

Теория функциональных систем Анохина строится на утверждении, согласно которому взаимодействие как таковое не может сформировать систему: в функциональной системе закономерностью является скорее механизм *содействия* компонентов, чем их взаимодействие. В итоге ученый подчеркивает, что к системе с полезным результатом ее деятельности более пригоден не термин «взаимодействие», а термин «взаимоСОдействие»: такая система «должна представлять собой подлинную кооперацию компонентов множества, усилия которых направлены на получение конечного полезного результата. А это значит, что всякий компонент может войти в систему только в том случае, если он вносит свою долю содействия в получение запрограммированного результата» (там же).

Эта идея представляется глубоко осмысленной в теории функциональных систем и исключительно ценной для гуманитарного знания во всем его объеме, без деления по отраслям науки и тем более без отделения от него фундаментальных представлений о человеке и мире, какими бы науками они ни изучались.

Материалом для выводов П. К. Анохина был человек в единстве его физиологии, анатомии, психического строя, поведенческих реакций. Для понимания идеи содействия компонентов как основания системы приводимые им примеры могут выступать в качестве метафоры, если мы ищем основания субъектной ориентации гуманитарного знания (например, при построении теории субъектной культурологии). Однако, по всей видимости, здесь дело не только в метафоре, но и по существу.

Приведем рассуждения П. К. Анохина о системах, характеризующихся его оппонентами как совокупность однородных элементов с единой функцией или типом строения. Ученый убедительно показывает, что при таком понимании системы, по сути дела, исключается «возможность понимания этих выделенных

⁴⁵ Анохин П. К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем (1973). URL: <http://www.raai.org/library/books/anohin/anohin.htm>. Далее мы цитируем работу П. К. Анохина по этой публикации в Интернете.

структур в истинном системном плане. Совершенно очевидно, что система кровообращения никогда не выступает как нечто отдельное, ибо это было бы нонсенсом физиологии. В полноценном организме кровообращение всегда ведет к получению какого-то приспособительного результата (уровня кровяного давления, скорости кровотока и т. д.). Однако ни один из этих результатов нельзя получить только за счет системы кровообращения. Сюда непременно включаются нервная и эндокринная системы и др. И все эти компоненты объединены по принципу взаимодействия. Поэтому при новом системном подходе вопрос идет об акценте не на каком-либо анатомическом признаке участвующего компонента, а на принципах организации многих компонентов, из многих анатомических систем, с непременным получением результата деятельности этой разветвленной гетерогенной системы» (там же).

По Анохину, «функциональные системы организма складываются из динамически мобилизуемых структур в масштабе целого организма и на их деятельности и окончательном результате не отражается исключительное влияние какого-нибудь анатомического типа участвующей структуры. Больше того, компоненты той или иной анатомической принадлежности мобилизуются и вовлекаются в функциональную систему только в меру их содействия получению запрограммированного результата» (там же). А это значит, что эти компоненты в системе «теряют свои избыточные степени свободы», сохраняя лишь те из них, которые «содействуют получению именно данного полезного результата, поскольку поведение в целом представляет собой истинный континуум результатов» (там же).

Анохинская идея взаимодействия позволяет увидеть важные динамические характеристики функциональных систем, на которые нередко не обращается внимание. Таково, например, свойство *внезапной мобилизуемости* структурных элементов организма в соответствии с непрерывными функциональными требованиями, которые функция предъявляет к структуре. П. К. Анохин характеризует это свойство как «возможность моментального построения любых дробных комбинаций, обеспечивающих функциональной системе получение полезного приспособительного результата. Практически, если бы не было этой потенциальной способности структур к внезапной мобилизуемости, причем в любой

аранжировке, моментальная организация функциональных систем была бы просто невозможна и, следовательно, приспособление было бы несовершенным» (там же). Хотя идея функциональных систем П. К. Анохиным выдвигалась прежде всего для теоретического обоснования физиологии поведенческого акта, его выводы позволяют осмысливать гуманитарное знание в аспекте его субъектной ориентированности как систему того же, по сути, порядка — обладающую определенной целостной архитектурой с иерархией компонентов и их взаимным содействием друг другу в достижении определенной цели субъекта. Это и путь к интегральному знанию о человеке и окружающем его мире⁴⁶.

* * *

Каждая из представленных в статье 1 и статье 2 концепций в той или иной мере близка тезаурусному подходу. Все они в той или иной мере близки между собой. Их отличает преимущественно теоретико-методологическая рамка, своего рода «порт приписки» в науке. В действительности, в силу своей концептуальности, они находятся на границе науки и философии, науки и этики, науки и художественного освоения действительности (художественной литературы прежде всего), что и позволяет применять их при осмыслении свойств, форм и результатов не только научного знания, но других знаниевых систем, которые в совокупности и составляют гуманитарное знание. В чем, собственно, отличие написанных практически одновременно трактата Альфреда Шюца «Чужой» и эссе Альбера Камю «Миф о Сизифе»? Преимущественно тем, что авторы этих произведений принадлежали к разным сообществам, общественные ожидания от которых не совпадают. Когда мы говорим о влиянии на современную науку концепций, представленных в этом параграфе, то писатели с мировым именем в него не попадают прежде всего из-за установившегося разделения человеческой мысли по сферам деятельности, а вовсе не из-за несоблюдения правил научности. В художественных образах проблемы повседневности, ставшие в социальных науках актуальными относительно недавно, раскрываются глубоко и убедительно многие столетия существования литературы и дают для понимания общества

⁴⁶ На это обстоятельство обратил внимание К. В. Судаков, выступая на Объединенной годичной сессии Русской секции Международной академии наук и Международной академии творчества (Москва, 17 января 2008 г.).

и человека в нем нередко больше, чем исследования, выполняемые как научные работы.

Но если вернуться к рассмотренным концепциям, то следует подчеркнуть, что на относительно небольшом отрезке исторического времени в разных странах и в парадигмах разных наук сформировались — частью независимо, частью по предварительному знакомству с идеями предшественников — теории, проясняющие существенные признаки социального поведения людей. Некоторые из этих теорий своим основанием имеют концептуальное обоснование особой роли идентификационных механизмов и конструирования реальности. Специфика подхода в этом случае состоит в том, что эти способы организации человеческого поведения не сведены к свободе индивидуального выбора, а показаны как сформированные жизнью в обществе, в границах определенной культуры. То, что эти способы обозначаются при помощи разных терминов — габитус у Бурдьё, социальное конструирование реальности у Бергера и Лукмана, челоуейник у А. А. Зиновьева, фреймы — у И. Гофмана, структуриации у Э. Гидденса и т. п., — не должно затушевывать главного: в современном постпостмодернистском гуманитарном знании, в которое возвращается его конструктивность и системность, все же границы между науками потеряли значение отстаиваемых рубежей и идиосинкразия в методологии большей частью преодолена, разворачивается параллельный поиск основных смыслов и способов реализации социальности и культурной соотнесенности человека. Многообразие близко стоящих теорий здесь совершенно не помеха: они дополняют друг друга и в своей совокупности порождают дальнейшее развитие теорий человека, культуры, общества.

В этом ключе мы рассматриваем и близость тезаурусной концепции к изложенным теориям: смысл тезаурусного подхода в немалой степени проясняется теоретическими параллелями, содержащимися в трудах Г. Зиммеля, Р. Парка и других «чикагцев», А. Шюца, П. Бергера и Т. Лукмана, П. Бурдьё, И. Гофмана, Э. Гидденса, А. А. Зиновьева, П. К. Анохина. Однако в нем есть свой ракурс проблемы, который оказался незамеченным или иначе интерпретированным в философской, социологической, культурологической литературе.

ТЕЗАУРУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ В ТОТАЛЬНОМ ИНСТИТУТЕ: МОЛОДЫЕ СОТРУДНИКИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Д. Л. Агранат

Процесс социализации молодых сотрудников в органах внутренних дел (ОВД) определен специфическими институциональными условиями. Изучение этих условий позволит рассмотреть содержание процесса социализации применительно к молодым сотрудникам ОВД.

В социологических исследованиях процесс социализации в условиях военного сообщества не раз становился объектом исследования. Концептуальные в социологическом ключе положения были сформулированы И. Гофманом.

Проводя исследование по управлению идентичностью в психиатрической больнице, Гофман выявил там довольно специфические условия формирования личности. Характеристика данных условий представлена в его определении тотального института. По мнению Гофмана, тотальный институт — это «место проживания и работы, где значительное число находящихся в одинаковой ситуации людей, отрезанных от более широкой общности на ощутимый период времени, сообща следуют закрытому, формально административному циклу жизни»⁴⁷.

В трактовке Гофмана условия формирования личности в тотальном институте связаны прежде всего с четко определенными институциональными рамками. Принятые институциональные нормы проникают во все сферы жизнедеятельности участника тотального института, подчиняя себе как частную жизнь личности, так и профессиональную. В таких обстоятельствах возможность для выбора иной линии деятельности у участников крайне мала. Все просто обязаны поступать в соответствии с теми нормативами, которые предписаны в данном институте. Сами по себе нормативы носят характер императива — безальтернативной нормы.

⁴⁷ Цит. по: Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С. Социологический словарь : пер. с англ. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1997. С. 333.

Гофман определил черты тотального института, которые чрезвычайно важны для понимания сущности процесса социализации в таких условиях. Одна из важнейших характеристик деятельности участника тотального института — его территориальная изоляция. Именно ограниченная территория позволяет тотальному институту осуществлять свое социальное воздействие на участников.

Тотальный институт стремится оградить личность от воздействия на нее норм других институциональных образований. Сделать это можно не только посредством территориальной изоляции, но и — применительно к тематике нашего исследования — путем нормативных ограничений, что связано в первую очередь с невозможностью выстраивания социальных связей с индивидами, не являющимися членами тотального социального института. Следует отметить, что территориальная изоляция сотрудников ОВД сегодня не является обязательным условием их профессиональной деятельности. В данном случае можно говорить об институциональной изоляции — личность ограничена институциональными нормами в социальных связях с другими участниками. Член тотального института общается только с теми, кто имеет такой же, как и он, институциональный статус. И такое общение выступает в качестве поддержки у личности нового представления о себе. Тотальный институт создает вокруг своего участника обстановку, которая подчеркивает его специфический социальный статус. Несмотря на все попытки изменить свое социальное положение, участник тотального института сделать это в рамках данного институционального образования не может.

Жизнь и деятельность членов тотального института четко регламентирована и подчинена жесткому административному порядку — это следующее условие социализации индивида в условиях тотального института. Все регламентировано до мелочей: как одеваться, где курить, как проводить свободное время и т. д. Данный административный порядок выстраивается главным образом на регламентации деталей деятельности личности. И благодаря детализации регулирования всей жизнедеятельности становится возможным постепенно склонить личность к исполнению норм, принятых в тотальном институте. От участника в любых условиях, в любых ситуациях требуется быть исполнителем институциональных социальных практик.

Жесткий административный порядок принуждает всех участников тотального института осваивать данный уклад жизни, несмотря на разный жизненный опыт. Все члены тотального института сталкиваются с единым набором социальных норм, выполнение которых в конечном счете приводит к тому, что человек, помещенный в эти институциональные границы, «выталкивается» из системы социальных связей, участником которых он был в прошлом. Фактически благодаря такому принудительному воздействию человек изменяет свой статус, а точнее — меняет его.

Особенные условия жизнедеятельности участников в тотальном институте создают уникальное социальное пространство с нормативами, которые сильно отличаются от тех правил, которые представлены в других социальных общностях. Специфические условия жизни в тотальном институте обусловлены, во-первых, социальной изоляцией участников от окружающего мира, их отчужденностью от него; во-вторых, дистанцированностью большинства обычных людей от исследуемого сообщества, что делает социальные нормы, принятые в тотальном институте, неприемлемыми, непонятными для индивидов, не находящихся на его территории.

Гофман разделяет тотальные институты в зависимости от их предназначения и от степени принуждения их членов. По социальному предназначению тотальные институты классифицируются им на пять групп:

1) обеспечивающие стационарный уход за людьми, которые не способны самостоятельно себя обеспечивать и которые не представляют общественной угрозы (пансионаты для престарелых, детские дома и т. п.);

2) то же, но в отношении лиц, непреднамеренно представляющих опасность для общества (туберкулезные санатории, психиатрические лечебницы и т. п.);

3) защищающие общество от преднамеренной опасности со стороны определенных лиц, в отношении которых применяются санкции как к девиантам и не предусматриваются задачи обеспечения их блага (тюрьмы, исправительные учреждения, лагеря для военнопленных и т. п.);

4) необходимые для эффективного выполнения инструментальных задач (армия, судовые экипажи, школы-интернаты, рабочие лагеря и т. п.);

5) созданные группами лиц, чтобы отделить себя от мирской жизни (монастыри, аббатства, духовные школы и семинарии)⁴⁸.

По степени принуждения их членов тотальные институты разделяются Гофманом на две группы:

1) институты, в которых принудительный характер имеет внешний для личности источник (тюрьма, закрытые медицинские учреждения);

2) тотальные институты, принуждение в которых — акт добровольного выбора их членов, их служения (религиозные организации и т. д.)⁴⁹.

Такая характеристика социализационных условий свидетельствует о том, что в тотальном институте процесс социализации имеет четкие внешние институциональные границы своего протекания. Фактически институт бросает все свои силы на то, чтобы направить процесс социализации личности в определенном направлении вне зависимости от жизненного опыта человека, его мотивации, потребностей и т. п. Безусловно, социализационный механизм такого рода определен и спецификой социальной среды тотального института, каковым выступает ОВД. Ключевая его особенность состоит в специфике социальных норм, которые регулируют социальное взаимодействие в данных условиях, создавая, таким образом, социальную среду, которая в своем содержании кардинально отличается от иных, невоенных, социальных общностей.

В основе нормативного регулирования тотального института лежит императивный принцип. Все правила, касающиеся деятельности личности в ОВД, обязательны и не подлежат корректировке. Никаких других вариантов деятельности тотальный институт своим участникам не предлагает. За любое отклонение от социальных норм грозит исключение.

Нормы тотального института регулируют буквально все сферы жизнедеятельности человека. Наряду с профессиональной, регулированию подвергается и личная жизнь сотрудника ОВД. В этом отношении личность сталкивается с необходимостью перестройки, изменения опривыченных и освоенных в процессе первичной социализации социальных практик.

⁴⁸ См.: Агранат Д. Л., Луков В. А. Молодые милиционеры. М., 2003. С. 48–49.

⁴⁹ См.: там же. С. 49–50.

Возникшая ситуация социализационного конфликта, которая определена, с одной стороны, актуальностью освоения новых социальных норм военной среды, с другой — непониманием участником тотального института необходимости изменять уже освоенные в гражданской жизни социальные практики, подталкивает тотальный институт выстраивать процесс социализации сотрудников ОВД таким образом, чтобы личность, несмотря на все протесты и конфликты, все же прошла путь своего институционального формирования. И здесь ключевую роль играют дисциплинарные методы воздействия на личность с целью ее территориального и социального встраивания в нормативное поле тотального института. Такого рода методы социализации представлены в книге французского философа, теоретика культуры и историка Мишеля Фуко «Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы», повествующей об эволюции казни, постепенном совершенствовании ее и возникновении тюрьмы как средства наказания преступников.

Рассматривая казнь как средство наказания, он связывает ее эволюцию с социальными преобразованиями во Франции, утверждая, что именно они детерминируют, определяют необходимость изменения форм санкций. Говоря о жестоких видах публичной казни середины XVIII века, Фуко отмечает необходимость в этот период применения именно такой формы наказания — издевательства над телом осужденного преступника — для устрашения общества. Далее автор описывает, как казнь из средства пыток, издевательства переходит в разряд скрытого события, утрачивает зрелищность. Преступников все чаще помещают под строгий надзор, появляются тюрьмы.

Теоретические выводы, которые делает Фуко, размышляя над особенностями пребывания осужденного в тюрьме, оказались полезны для изучения процесса социализации личности в условиях тотального института.

Базовым принципом, благодаря которому «из бесформенной массы, непригодной плоти можно сделать требуемую машину»⁵⁰, по мнению Фуко, является дисциплина. Именно благодаря дисциплине становится возможным «фабричное изготовление» необходимого для тотального института материала.

Учреждения, где осуществляется такое производство с использованием дисциплины, Фуко называет дисциплинарными

⁵⁰ Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М., 1999. С. 198.

институтами⁵¹. В них дисциплина используется в качестве «рассчитанного принуждения»: «Рассчитанное принуждение медленно проникает в каждую часть тела, овладевает им, делает его послушным, всегда готовым и молчаливо продолжается в автоматизме привычки»⁵².

Фуко видит в дисциплине те основания, которые проявляли себя и в других социальных институтах, которые, несмотря на иные цели функционирования, тоже можно отнести к категории дисциплинарных. Сначала эти основания проявились в образовании, потом в медицине, далее в армии.

Исследуя эволюцию наказания, Фуко отмечает, что дисциплинарные институты переносят тело человека с места публичной казни, публичного издевательства над ним и осквернения его в рамки жесткого социального контроля, где данное тело не рвут на куски, не режут ножами, а методичными и упорными тренировками исправляют до неузнаваемости. Он демонстрирует методы работы с участниками дисциплинарных институтов на рекрутах: «Рекрутов приучают нести голову высоко, держаться прямо, не сгибая спины, втягивать живот, выставлять грудь и расправлять плечи. А чтобы это вошло в привычку, их заставляют принять требуемое положение, прижавшись спиной к стене, чтобы пятки, икры, плечи и талия касались ее, также тыльные части рук, причем руки должны быть развернуты наружу и прижаты к телу...»⁵³

В теории дисциплинарных институтов тело человека ставится в центр социализационного воздействия. Вместе с тем такая трактовка социализации дает характеристику начального этапа, что, в свою очередь, определено спецификой среды дисциплинарных институтов. Непохожесть среды дисциплинарных институтов на тот социальный мир, откуда приходит человек, определяет зачастую полное непонимание им происходящего вокруг, и единственный путь направить деятельность личности в институциональном направлении — встроить ее в пространственные границы дисциплинарного института.

В работе «Надзирать и наказывать», Фуко предлагает некоторые способы организации дисциплины. Первый он называет ис-

⁵¹ См.: там же. С. 203.

⁵² Там же. С. 198.

⁵³ Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. С. 198.

кусством распределений. Этот способ прежде всего связан с «распределением индивидов в пространстве». «Дисциплина иногда требует отгораживания, спецификации места, отличного от всех других и замкнутого в самом себе»⁵⁴. Второй способ организации дисциплины — контроль над деятельностью. Каждая минута в дисциплинарном институте должна быть занята необходимой институ деятельностью. Кроме перечисленных способов организации дисциплины, она нуждается в мощной системе надзора за действиями людей и системе санкций за неправильное, отклоняющееся поведение.

Теории И. Гофмана и М. Фуко позволяют нам прояснить существенные характеристики индивида в военных организациях, в том числе и в органах внутренних дел. В частности, они достаточно точно определяют важную внешнюю сторону социализационного процесса в ОВД — попытку организации поставить процесс освоения социальных практик под жесткий контроль, направить социализацию сотрудника в необходимое русло. Однако данные теории не являются достаточными, так как ОВД — это общность, которая обладает дополнительными особенностями, и обусловлены они прежде всего тем, что деятельность данной организации связана непосредственно с гражданской жизнью людей. С целью прояснения специфики ОВД и ее значимости для процесса социализации сотрудников органов внутренних дел рассмотрим теорию военизированных организаций гражданского назначения Л. А. Пашина.

Концепция Л. А. Пашина определяет организации типа ОВД как военизированные системы гражданского назначения, которые представляют собой организованные по типу военной службы институционализированные формы деятельности по обеспечению безопасности личности, общества и государства в сферах, не связанных с защитой от внешнего врага, путем поддержания легитимности социального порядка⁵⁵.

В концепции Л. А. Пашина подробно рассмотрены особенности данных институциональных образований. В этом плане он следует в некоторой степени за И. Гофманом и пересекается с ним в отдельных положениях. Пашин говорит о закрытом характере данных объединений. Вместе с тем применительно к анализу условий

⁵⁴ Там же. С. 206.

⁵⁵ См.: Пашин Л. А. ГИБДД: проблемы социального развития. М., 2000. С. 60.

социализации сотрудников ОВД необходимо отметить, что закрытость ОВД не носит абсолютный характер. Здесь закрытость проявляется в первую очередь в многоступенчатой системе отбора новичков, когда им необходимо пройти различные испытания, формы инициации, и только после этого они становятся полноправными сотрудниками ОВД. В остальном степень закрытости, изолированности от иных социальных общностей в полиции невысока. Сотрудники ОВД свободны в перемещении, они неограниченны в возможных социальных связях и т. п. Напротив, нередко для выполнения служебных задач сотрудникам ОВД необходимо вступать в разнообразные социальные связи с большим количеством людей, которые никоим образом не связаны с полицией. Применительно к исследуемой проблематике мы предлагаем говорить о закрытости еще в одном аспекте. Процесс социализации в ОВД определяет главную задачу — формирование идентичности новичка с организацией, ее социальными нормами и правилами. Такое условие есть важнейший принцип деятельности всей системы ОВД, что, в свою очередь, определено функционированием полиции как социального института и ее главной целью — обеспечением безопасности. Безопасность в данном случае мы понимаем как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Такая трактовка безопасности представлена в Законе РФ «О безопасности»⁵⁶. Данный закон определяет жизненно важные интересы как совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства.

К основным объектам отнесены: 1) личность — ее права и свободы; 2) общество — его материальные и духовные ценности; 3) государство — его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность.

К основным принципам обеспечения безопасности относятся следующие:

- 1) соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина;
- 2) законность;
- 3) системность и комплексность применения федеральными органами государственной власти, органами государственной власти

⁵⁶ Федеральный закон Российской Федерации от 28.12.2010 г. №390-ФЗ «О безопасности» // Российская газета. 2010. 29 декабря.

субъектов Российской Федерации, другими государственными органами, органами местного самоуправления политических, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер обеспечения безопасности;

4) приоритет предупредительных мер в целях обеспечения безопасности;

5) взаимодействие федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, других государственных органов с общественными объединениями, международными организациями и гражданами в целях обеспечения безопасности⁵⁷.

Деятельность по обеспечению безопасности включает в себя:

1) прогнозирование, выявление, анализ и оценку угроз безопасности;

2) определение основных направлений государственной политики и стратегическое планирование в области обеспечения безопасности;

3) правовое регулирование в области обеспечения безопасности;

4) разработку и применение комплекса оперативных и долгосрочных мер по выявлению, предупреждению и устранению угроз безопасности, локализации и нейтрализации последствий их проявления;

5) применение специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности;

6) разработку, производство и внедрение современных видов вооружения, военной и специальной техники, а также техники двойного и гражданского назначения в целях обеспечения безопасности;

7) организацию научной деятельности в области обеспечения безопасности;

8) координацию деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления в области обеспечения безопасности;

9) финансирование расходов на обеспечение безопасности, контроль за целевым расходованием выделенных средств;

⁵⁷ Там же. Ст. 2.

10) международное сотрудничество в целях обеспечения безопасности;

11) осуществление других мероприятий в области обеспечения безопасности в соответствии с законодательством Российской Федерации⁵⁸.

Деятельность ОВД по обеспечению безопасности сопряжена с противодействием тем социальным общностям, которые выступают в качестве источника разрушения безопасности личности, общества и государства. Сотрудник ОВД должен быть устойчив к агрессивному воздействию внешней среды. В данном случае необходимо говорить о закрытости системы ценностей сотрудника, защищенности от проникновения извне чуждых этой системе социальных норм. Это определяет закрытость ОВД — главным образом не территориальную, а культурную.

Культурная изоляция в ОВД является источником иных особенностей данной организации, главное — принципов, которые должны освоить сотрудники в процессе социализации. Эти принципы предполагают:

— безусловную исполнительность, следование приказу старшего по званию без обсуждения целесообразности предписанных действий;

— готовность к самопожертвованию, постановку коллективной задачи выше индивидуальных интересов, безопасности объекта деятельности — выше собственной безопасности;

— частичность функций и располагаемой информации: общая задача не должна ставиться под удар из-за выбытия из строя того или иного лица или предательства;

— специфический образ жизни, основанный на готовности к чрезвычайной ситуации как ситуации рядовой;

— четкое символическое обозначение своего отличия от других форм общественной организации и различий участников данного социального института по их статусу⁵⁹.

Следует отметить, что данные принципы, которые должны освоить сотрудники в процессе социализации в ОВД, ставят их перед проблемой ролевого конфликта — как на начальном этапе освоения социальных норм, так и в процессе профессиональной деятельности.

⁵⁸ Федеральный закон Российской Федерации от 28.12.2010 г. №390-ФЗ «О безопасности». Ст. 3.

⁵⁹ См.: Пашин Л. А. ГИБДД: проблемы социального развития. С. 42–43.

На первом этапе работы в ОВД ролевой конфликт определен противоречием между ценностно-нормативной системой, которая была сформирована в процессе первичной социализации личности за пределами военизированной организации гражданского назначения, и принципами, которые должны освоить сотрудники в процессе социализации в ОВД.

Для анализа этой существенной стороны социализации личности в ОВД в качестве методологической основы продуктивно использование тезаурусной концепции⁶⁰, в частности социологической составляющей этой концепции, разрабатываемой с 1990-х годов Вал. А. Луковым. Он трактует тезаурус в качестве маркера ментальных структур, придающих смысл обыденным действиям людей и их сообществ, но, кроме того, предопределяющих самые различные отклонения от обыденности и оказывающих воздействие — возможно, решающее — на весь комплекс социальных структур, социальных институтов и процессов⁶¹. Тезаурус — это организованная упорядоченность, где ценности личности определяют набор тех тезаурусных элементов, которые войдут в его состав. Кроме этого, элементы тезауруса, будучи разделенными в реальности пространством и временем, в тезаурусе объединяются в единое целое.

Вал. А. Луков выделяет ряд качеств тезауруса, которые в его социологической трактовке оказываются наиболее важными.

1. Противоречивость состава тезауруса. С одной стороны, она определена тем, что тезаурус личности объединяет в единое целое элементы, которые в реальности разделены пространством, временем и содержанием. Из этого следует другая сторона противоречивости тезауруса. С субъективной точки зрения он достаточен для ориентации индивида в условиях той или иной общности. Такой тезаурус обладает полнотой информации. Вместе с тем если оценивать его объективно, то те конструкты, из которых тезаурус состоит, представляют собой не целостное знание, а лишь его фрагменты, вырванные из некой системы и включенные в тезаурус как актуальные в настоящее время.

Данная характеристика тезауруса весьма актуальна для исследования процесса социализации личности в ОВД. Противоречивость

⁶⁰ См.: Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусы : Субъектная организация гуманитарного знания. М. : Национальный ин-т бизнеса, 2008.

⁶¹ См.: Ковалева А. И., Луков Вал. А. Социология молодежи : Теоретические вопросы. М. : Социум, 1999. С. 130.

социальной реальности, в условиях которой личность сотрудника проходит процесс профессиональной социализации, заставляет его в своем тезаурусе совмещать конструкты различного характера. Следует отметить, что, несмотря на то что такая черта характерна для любого тезауруса, сформированного в любых условиях социальной среды, для тезауруса сотрудника ОВД это качество является основным, базовым.

2. Тезаурус представляет собой иерархическую систему, имеющую целью ориентацию в окружающей среде. В силу различия личностных свойств людей и несовпадения условий окружающей их социальной и культурной среды тезаурусы неодинаковы, хотя в них есть типичные элементы. Тезаурус отражает иерархию субъективных представлений о мире, он может рассматриваться как часть действительности, освоенная субъектом (индивидом, группой).

3. Результатом тезаурусного способа жизненной ориентации являются несовпадение субъективных миров, преимущественно ценностная регуляция поведения, активность поведения социального субъекта в социальной среде⁶².

Эта теоретическая конструкция может быть с успехом приложена к рассматриваемому нами объекту исследования. Новый сотрудник приходит в ОВД с тезаурусом, который сформирован в процессе первичной социализации в условиях гражданской жизни, а она значительно отличается от порядков, заданных в полиции. Главное отличие заключается в императивном социальном регулировании деятельности сотрудника в полиции. Если в условиях жизни в гражданском обществе индивид имел возможность выбора различных линий поведения, то в ОВД сотрудник осваивает заданную организацией институциональное направление его профессиональной работы. Императивные социальные нормы определяют не только профессиональную сторону деятельности сотрудника, наряду с этим они, в силу специфической деятельности ОВД, связанной с обеспечением безопасности общества, регулируют и сферу личной жизни человека. Начав работать в ОВД, личность оказывается перед проблемой необходимости перестройки тезаурусных конструкций, сформированных ранее.

⁶² См.: Ковалева А. И., Луков В. А. Социология молодежи : Теоретические вопросы. С. 132.

Процесс формирования тезауруса сотрудника ОВД, особенно в первое время его службы, протекает достаточно сложно. В силу особенностей ОВД как организации военного типа, с одной стороны, а с другой — организации гражданского назначения, создание актуального в среде тезауруса сотрудника ОВД требует как особенных, изначально заданных тезаурусных потенциалов, так и определенной степени готовности личности к смене образа жизни.

Вместе с тем главное противоречие социализационного процесса в ОВД заложено в самой сущности этой организации. Как уже было отмечено, это не в полной мере военная организация. Здесь нет закрытой территории, сотрудники в основном готовятся к выполнению поставленных задач не во время войны, а в условиях мирной жизни. Вместе с тем сама форма организации деятельности в полиции — военная, несмотря на тесную связь с гражданским обществом, порядки внутри организации тоже в большей степени военные, чем гражданские. Такое организационное противоречие не позволяет ОВД жестко принудить личность к интериоризации социальных норм и ценностей военной среды, как это происходит в других сообществах⁶³. Здесь практически невозможно использовать наиболее важный механизм дисциплинарных институтов, во всяком случае, на первых этапах социализации. Жесткий институциональный напор на личность в условиях, когда ее деятельность не ограничена территориальными рамками военной организации, может привести к открытым, крайним формам девиантного и делинквентного поведения, что пагубно может отразиться на обществе в целом.

В процессе социализации сотрудника полиции фактически исключается физическое встраивание личности в условия деятельности военной организации. Такой социализационный прием находит свое применение в иных организациях, преимущественно носящих военизированный характер⁶⁴. Таким образом, в полиции процесс

⁶³ См.: Агранат Д. Л. Особенности социализации личности в условиях военизированной организации, вытекающие из институционального конфликта // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 1. С. 75–81.

⁶⁴ См.: Луков Вал. А., Агранат Д. Л. Курсанты: Плац. Быт. Секс : Социологическое и социально-психологическое исследование : моногр. М. : Флинта ; Наука, 2005; Агранат Д. Л. Социализация участников военизированных организаций в условиях становления гражданского общества : моногр. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2007; Его же. Социализация личности в военизированных организациях. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2009.

сознательного, осмысленного, понимающего формирования тезауруса начинается уже на первых, начальных этапах деятельности сотрудника полиции. В силу данного обстоятельства в этих условиях для формирования актуального социального среде ОВД тезауруса огромное значение имеет готовность личности к деятельности в полиции. Готовность — ключевое условие формирования актуального для ОВД тезауруса сотрудника.

Готовность обеспечивается в первую очередь тем, что процесс формирования идентичности сотрудника ОВД начинается еще до прихода личности в полицию. Жизненный опыт новичка, его система ценностей в процессе первичной социализации уже должны были сформировать те установки, которые найдут свое продолжение в профессиональной деятельности полицейского. Это происходит, как правило, тогда, когда человек тем или иным образом связан с полицией.

В данном случае мы обозначаем идентичность личности такого типа понятием «опережающая идентичность». Опережающая идентичность личность выстраивается на основе интериоризации представлений значимых других о той или иной социальной группе, том или ином сообществе людей. Жизненный опыт значимых других, выступающий для личности в качестве актуального источника информации, является тем главным каналом, на основе которого начинают выстраиваться тезаурусные конструкты. В данном случае соотнесение индивидом себя с группами и общностями, которые он воспринимает в качестве своих, осуществляется не посредством его включения в жизнь данных социальных общностей, а благодаря социальному взаимодействию с участниками такого рода социальных общностей. Фактически формирование социальной идентичности с данной социальной группой есть не результат процесса социализации, в рамках которого индивид осваивает ценности и нормы того или иного сообщества, а основание, база с которой индивид начинает свой социализационный процесс в ОВД.

Институциональные нормы ОВД определяют личное поручительство в качестве механизма выявления и отбора будущих сотрудников со сформированной опережающей идентичностью.

Личное поручительство оформляется в целях:

— укрепления служебной дисциплины и законности среди сотрудников органов внутренних дел, предупреждения происшествий и правонарушений с их участием;

— формирования высококвалифицированного управленческого звена кадров органов внутренних дел, снижения текучести кадров;

— повышения ответственности руководителей и иных должностных лиц органов внутренних дел за принимаемые кадровые решения;

— устранения коррупционных рисков и улучшения качества отбора кандидатов на службу в органы внутренних дел;

— предотвращения возможности формирования коррупционных связей⁶⁵.

Поручителями в органах внутренних дел могут выступать сотрудники, прослужившие в органах внутренних дел не менее пяти лет, не имеющие дисциплинарных взысканий, наложение которых осуществлено в письменной форме, не состоящие в близком родстве или свойстве (родители, супруги, братья, сестры, сыновья, дочери, а также братья, сестры, родители и дети супругов) с рекомендуемыми ими лицами, занимающие равнозначные или вышестоящие должности по отношению к должностям, на которые планируется назначение рекомендуемых лиц.

Поручительство должно быть представлено в ходе изучения кандидата на службу в органы внутренних дел или в период прохождения испытательного срока в случае его установления⁶⁶.

Поручительство в ОВД предусматривается для назначения на должности как рядового, так и руководящего состава:

— рядового, младшего, среднего и старшего начальствующего состава в департаментах, главном управлении и управлении центрального аппарата МВД России, Следственном комитете при МВД России, территориальных органах МВД России, представительствах МВД России за рубежом, научно-исследовательских, образовательных и медицинских учреждениях и в иных организациях и подразделениях, созданных в установленном законодательством Российской Федерации порядке для реализации задач, возложенных на органы внутренних дел Российской Федерации:

⁶⁵ Приказ от 30.09.2010 г. № 700 «Об утверждении порядка оформления личного поручительства в органах внутренних дел Российской Федерации и категорий должностей, при назначении на которые оформляется личное поручительство». Ст. 3.

⁶⁶ Приказ от 30.09.2010 г. № 700... Ст. 5, 6.

— руководителей (начальников, командиров) всех уровней управления, их заместителей и помощников;

— оперуполномоченных, следователей, дознавателей, экспертов, участковых уполномоченных милиции, оперативных дежурных, специалистов, инструкторов, методистов, психологов, ревизоров, дежурных, инженеров, референтов, бухгалтеров, юрисконсульты, саперов, оружейных техников, летчиков, штурманов, врачей, фельдшеров, инспекторов (всех наименований);

— ученых секретарей, редакторов и их заместителей, корреспондентов;

— профессорско-преподавательского состава;

— помощников участкового уполномоченного милиции, следователя, государственного инспектора, дежурного;

— старших смены, конвоя, группы задержания, заведующих складами, секциями, хранилищами, оружейных мастеров, старшин, контролеров КПП, секретарей (военно-врачебных комиссий медико-санитарных частей, центров психофизиологической диагностики медико-санитарных частей), водителей-сотрудников, милиционеров (всех наименований)⁶⁷.

Формирование опережающей идентичности возможно лишь в условиях постоянного социального взаимодействия со значимыми другими, являющимися представителями сообщества полицейских. Как правило, это члены семьи индивида. Они выступают в качестве агентов социализации, воспроизводят в семье социальные практики, принятые в органах внутренних дел, и индивид начинает освоение социальных практик за пределами данного социального института. Обычно это связано с выполнением тех или иных обязанностей в семье.

По признаку опережающей идентичности можно выделить два типа личности. Первый — индивиды, которые прошли курс подготовки в специализированных учебных заведениях МВД. Эти вузы для полиции являются не только каналом поставки подготовленных кадров, но и мощным инструментом селекции. В условиях такого вуза становится возможным, с одной стороны, отобрать необходимых по своим социальным и профессиональным качествам людей для ОВД, сформировать у них необходимые свойства, с другой — дать возможность человеку, ранее не имеющему никакой связи с полицией, попробовать себя в этой сфере.

⁶⁷ Приказ от 30.09.2010 г. № 700... Прил. 2.

Второй тип — новички, которые приходят в ОВД из семей, где хотя бы один из близких родственников работал в полиции, также имеют возможность сформировать идентичность с ОВД до включения в данную профессиональную область деятельности. Ближайшее окружение, воспроизводя профессиональные модели поведения, позволяет личности освоить их. Таким образом, у детей из семей полицейских, как правило, уже сформировались в семье те установки и ценности, которые необходимы для работы в ОВД.

Внутренняя устойчивость новичка в момент его прихода в полицию определяет то, что в процессе социализации будут успешно формироваться социально значимые качества сотрудника ОВД. Это даст ему возможность противостоять вызовам извне, которые возникают в процессе профессиональной деятельности.

КУЛЬТУРНЫЕ ДОМИНАНТЫ РУБЕЖА XX–XXI ВЕКОВ КАК РЕШАЮЩИЙ ФАКТОР ЭВОЛЮЦИИ КУЛЬТУРНЫХ ФОРМ ТЕАТРА

С. В. Аронин

Современная ситуация в изучении культуры не ограничивается выявлением парадигмы и ее характерных особенностей, спорами о постмодернизме, цивилизации и кризисе культуры. Напротив, — все больше говорят о теории мультикультурализма, о культуре информационного общества, о социокультурных последствиях глобализации, о культуре массовой коммуникации, и др. Примечательно, что обо всем этом говорится не как об отдельных культурах или культурных феноменах, а как о разных взглядах на культуру современности.

Так возникают проблема понимания и кризис идентичности. Идентичность, по Хантингтону, — «смысл себя»⁶⁸. Исследователями так же вводятся понятия коллективной идентичности, национальной идентичности и плюрализации идентичности (то есть одновременной причастности к нескольким различным группам); кризис

⁶⁸ Huntington S. Who are we? The Challenges to America's National Identity. N. Y. ; L. ; Toronto ; Sydney : Simon & Schuster, 2004. P. 21.

идентичности возникает тогда, когда «индивид стоит перед задачей выбора между альтернативными решениями возрастных и ситуативных проблем, что, в конечном счёте, оказывает влияние на развитие последующей жизни»⁶⁹.

В этой ситуации актуализируется становление культурологии как новой науки, стремящейся к «универсальной точке зрения, синтезу различных подходов, теорий, к выработке на этой основе единой концепции культуры, позволяющей не только описывать, но и прогнозировать ее развитие»⁷⁰.

Для культурологической школы Московского Гуманитарного Университета этот вопрос *взгляда* на различные концепты культуры современности во многом является определяющим. Именно здесь ректором МосГУ профессором И. М. Ильинским предложена разработка новой образовательной парадигмы «Знание. Понимание. Умение»⁷¹ в качестве альтернативы парадигмам «Знание. Умение. Навыки» и «Знание. Умение. Ориентация». Понимание означает постижение — на основе всех видов знаков, всего, что имеет ввиду иной субъект Уточнение системы знаков, уточнение дискурса — это вопрос и метода исследования, и его языка. «Язык и понятие настолько тесно связаны между собой, что если индивидуальное сознание претендует на философское познание, то оно не обладает никакой свободой произвольного употребления понятий, будучи связанным языком, который является не только языком говорящего, но и языком разговора, который ведут с ними вещи»⁷².

Именно в этой связи актуализируется концепция тезауруса как субъектно организованного гуманитарного знания, предложенная и в течение многих лет разрабатываемая научной школой тезаурусного анализа мировой культуры. Тезаурусный подход организует гуманитарное знание таким образом, что оно соответствует месту и роли субъекта в окружающем мире и позволяет ему этот мир постигать, ориентироваться в нем и менять его, а заодно и развивать соб-

⁶⁹ Крылов А. Н. К вопросу о кризисе идентичностей // Знание. Понимание. Умение. 2007. №3. С. 95.

⁷⁰ Шендрик А. И. Апология культурологии // Шендрик А. И. Культура в мире: драма бытия. М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2007. С. 18.

⁷¹ См.: Ильинский И. М. К читателям журнала «Знание. Понимание. Умение» // Знание. Понимание. Умение. 2004. №1. С. 5–7. Также: Королев А. А. Понимание умножает и вдохновляет знание // Знание. Понимание. Умение. 2006. №1. С. 16.

⁷² Спирова Э. М. Герменевтический круг // Знание. Понимание. Умение. 2006. №2. С. 203.

ственные потенциалы⁷³. Тезаурус представляет собой «структурированное представление и общий образ той части мировой культуры, которую может освоить субъект, при этом тезаурус структурирован таким образом, что в центре его находится «свое», а на периферии «чужое» и «чуждое», а на границе — особая мембрана, пропускающая любую информацию извне через призму «своего-чужого-чуждого». Все новое для того, что бы занять определенное место в тезаурусе, должно быть в той или иной мере освоено»⁷⁴.

Тезаурусный подход широко использует понятие «картины мира» и «картин мира», приобретающих в культурологии значение «культурных парадигм», то есть господствующих в какой-то исторический период или, по крайней мере, значимых систем представлений, воплотившихся в различных артефактах⁷⁵.

В свою очередь, культурология как парадигма современного гуманитарного знания и образования изучает содержание художественного произведения — через представленную в нем картину мира, через культурологическое понимание времени, пространства, человека, знаков и тайн Вселенной, через культурный контекст, через культурный тезаурус⁷⁶.

Однако в вышеописанной ситуации одновременного существования целого множества различных культурных парадигм (таких как постмодернизм, культура информационного общества, культура массовых коммуникаций, глобализация, мультикультурализм и др.) для исследования той или иной части культуры (в данном случае — для исследования театральной культуры как части всей культуры) или для культурологического исследования искусства как компонента культуры (в данном случае — театрального искусства как компонента театральной культуры), более удобными представляются тезаурусные структуры культурных доминант.

Термин культурной доминанты употребляется для обозначения главенствующей идеи, основного признака или важнейшей со-

⁷³ Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусы : Субъектная организация гуманитарного знания : науч. моногр. М. : Изд-во Национального ин-та бизнеса, 2008. С. 646.

⁷⁴ Иванов А. Н. От диалогов Платона к диалогам тезаурусов // Знание. Понимание. Умение. 2008. №3. С. 238.

⁷⁵ Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусы... С. 225.

⁷⁶ Луков Вл. А. Возможности культурологии как парадигмы гуманитарного знания // Знание. Понимание. Умение. 2011. №1. С. 71.

ставной части культуры в тот или иной ее исторический период⁷⁷. Культурная доминанта, в которой кристаллизуется смысловое единство той или иной исторической эпохи, определяет относительную устойчивость созерцания и мышления и интегрирует социум как духовно-смысловое целое. Таким образом, культурная доминанта выступает как основа смыслообразования во всех сферах жизни и творчества. В различные исторические эпохи жизнеориентирующим и смыслообразующим выступала та или иная культурная доминанта: космоцентрическая модель мира в античной культуре, христианство в средневековой культуре, гуманизм в эпоху Возрождения, идея технологического подчинения природы человеку в новоевропейской культуре, и т. д. (И. Ф. Кефели). В тезаурусном подходе из всего многообразия терминов и категорий в философии, социологии и культурологии выделяются те из них, которые на рубеже XX–XXI веков являют собой общий способ видения и понимания мира, определяемый отношением к ним человека и социальными формами общества. Они и будут являться культурными доминантами. В качестве культурных доминант рубежа XX–XXI веков мы выделяем 3 структуры: постмодернизм, массовую культуру и виртуализацию.

Постмодернизм возникает как ответ модернизму и всей предшествующей культуре, в связи с разочарованием в ней. Раз прошлое невозможно уничтожить, ибо его уничтожение ведет к немоте, его нужно переосмыслить, но иронично, без наивности⁷⁸ Постмодернизм существует в единстве оснований и парадигм в комплексе с постструктурализмом и деконструктивизмом. В этом единстве постструктурализм предстает как своеобразная эстетическая концепция, деконструктивизм — как метод аналитических процедур художественных феноменов, основанных на постмодернистских представлениях, а постмодернизм — как общее умонастроение современной эпохи, существующее автономно, но не без участия двух других компонентов указанного комплекса⁷⁹.

Соответственно, деконструкция становится одной из основных категорий постмодернизма. Термин деконструкции, предложенный

⁷⁷ См.: Кононенко Б. И. Большой толковый словарь по культурологии. М. : Вече 2000 ; АСТ, 2003. С. 41.

⁷⁸ Эко У. Заметки на полях «Имя розы» / пер. с итал. Е. Костюкевич // Эко У. Имя розы. М. : Симпозиум, 1989. С. 561.

⁷⁹ Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М. : Интрада, 1996. С. 201.

М. Хайдеггером, введенный в оборот Ж. Лаканом и теоретически обоснованный Ж. Деррида, подразумевает отказ от истины. Это предельно свободный, лишенный жесткой методологии тип философствования, направленный на преодоление традиционного философского дискурса путем обогащения его полисемантическим, многомерным и невербализированным по существу арсеналом средств и способов художественно-эстетического выражения. Деррида уподобляет свой метод игровому творчеству. Цель его метода — суметь обнаружить в художественном тексте невыразимые «остаточные смыслы», ускользающие как от читателя, так и от самого автора. Деррида использует в качестве категорий не сущность, дух, материю, бытие... а след, царапину, контрабанду, прививку, гибрид и т. п.

Так в постмодернизме стираются границы между ценностями бытовыми, повседневными, рыночными и ценностями-символами. Начинается хаос ценностей, диффузия. Формируется новая идеология, новая система мифологии, где организующим принципом становится «ризоматичность», по терминологии Ж. Делёза и Ф. Гваттари, отрицающая системность, структурность, иерархичность как в реальности, так и во «второй реальности» — культуре. Ризома (от. фр. rhizome — корневище) — не замкнутая, не структурированная, не иерархизированная, не значимая, подвижно организованная система с децентрированным центром, все (условные) точки которой связаны между собой нелинейными связями.

Действительно, структурно постмодернизм воспринимает всю культуру как текст, гипертекст, понимаемый как «объединенные или структурированные формы дискурса, зафиксированные материально и передаваемые посредством последовательных операций прочтения»⁸⁰. Выделяя характерные черты этого явления, И. Хасан пишет, что будучи продуктом современной культуры, постмодернизм, как палимпсест (а палимпсест — это текст, написанный поверх другого текста), вбирает в себя многие черты предыдущих течений. Полустиертые знаки и тексты прошлых культур проступают на прозрачной ткани современности, внося в нее коррективы⁸¹.

⁸⁰ Рикер П. Герменевтика, этика и политика. Московские лекции и интервью / пер. с фр.; ред. И. Вдовина. М.: КАМІ, 1995. С. 3.

⁸¹ Хасан И. Культура постмодернизма // Современная западноевропейская и американская эстетика : антология / ред. Е. Г. Яковлев. М. : Университет, 2002. С. 121.

Не принимая действительность и критически переосмысливая традиционные искусства, постмодернизм стремится синтезировать различные виды культуры. В качестве ключевых понятий для постмодернистской эстетики Ж.-Ф. Лиотар рассматривает анамнез и переработку. Анамнез предполагает возвращение вспять: для того, чтобы начать действовать в настоящем, ему необходим эстетический референт, расположенный в прошлом. Именно в этом смысл приставки «пост», говорящей о делегированности авангарда в настоящее. Или, если воспользоваться идеей «переработки», то эта та деятельность, которая позволяет обнаружить скрытые или потенциальные смыслы модернистского проекта⁸². Постмодернизм, таким образом, будучи отражением историко-культурной ситуации социального, научного и художественного плюрализма, являет «диалогичность» как свое ключевое понятие. Глубокое понимание постмодернизма возможно только в аспекте культурологичной интерпретации диалога как столкновения различных точек зрения, это отражает вариативный характер самого движения и развития.

В искусстве постмодернизма диалогичность зачастую проявляется в виде явлений синтеза и смешения жанров. «Таков, например, “культурный коллаж” в фильмах “Убить Билла” и “Убить Билла — 2” Квентина Тарантино. От протестантской церкви в американском захолустье до мечей японских самураев, обучение американки (и не одной) у китайского мастера боевых искусств где-то среди развалин буддистского монастыря, от киллерских повадок и предельной жестокости почти у всех героев фильма до сентиментальных отцовских и материнских чувств у них же — в этом смешении культурных символов, этнических норм, социальных практик новые поколения получают возможность усваивать вполне целостный мир и видеть его как мир настоящего и будущего»⁸³.

На этом фоне в постмодернизме обнаруживаются стратегии потребительства (консюмеризм), проникающие в каждый дом через средства массовой информации⁸⁴. Наивное, ироничное переосмысление прошлого и стратегия потребительства порождают игровой принцип культуры постмодернизма. «Игровой эксперимент с реальностью возможен в поле любого текстового пространства, будь то

⁸² Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. М. ; СПб. : Алетей, 1988. С. 48.

⁸³ Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусы... С. 455.

⁸⁴ Там же.

художественное творчество или повседневное поведение <...> Игра становится средством совмещения и смещения смыслов. В игровой ситуации отчетливо проявляет себя «складчатость» смыслового поля — легкость перемещения из одной смысловой плоскости в другую, условность границ понятийного и жизненного пространства»⁸⁵.

Однако в этой ситуации происходит и обратный процесс — вымывание смысла. Так для Бодрийяра, вводящего термин «симулякр», решающим поворотом оказывается переход от знаков, за которыми стоят некие смыслы, к знакам, за которыми ничего не стоит и которыми отмечено наступление эры симуляции и симулякров, когда нельзя отделить истины от лжи. Кроме того, искусству постмодернизма свойственно обращение к архаике, мифу, т. е. тексту в его первоначальном значении⁸⁶. Миф несет в себе специфически человеческую функцию совмещения смысла и реальности, соединения чувственного и интеллектуального⁸⁷. В то же время с помощью мифа постмодернистские творения осуществляют, по словам Р. Барта «возможность транс-исторического бытия». Приобщённость к мифу создает условия вхождения в сферы культурных архетипов и исторических нарративов, что, с одной стороны, противоречит теоретическим установкам постмодернизма, но с другой — отвечает общим процессам движения современной культуры. Постмодернизм и разрушает метанарративы, и создаёт новые, используя культурные мифологемы⁸⁸.

Постмодернизм охватывает своими установками все сферы социальной и культурной жизни. И, несмотря на вводящиеся термины постпостмодернизма и заявления о том, что постмодернизм как парадигма закончился 11 сентября 2001 года, мы считаем постмодернизм одной из культурных доминант рубежа XX–XXI веков.

В постмодернизме активизируется понятие массы в качестве основного реципиента искусства; и особую лидирующую роль играет здесь массовая культура. Именно она становится проводником постмодернистской идеологии и мифологии; и, по нашему мнению,

⁸⁵ Суворов Н. Н. Постмодернизм и современная культура // Теория культуры : учеб. пособие / под ред. С. Иконниковой, С. Большакова. СПб. : Питер, 2010. С. 505.

⁸⁶ Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусы... С. 479.

⁸⁷ Козолупенко Д. П. Миф, наука, религия — линии родства и принципы разграничения // Знание. Понимание. Умение. 2009. №1. С. 190.

⁸⁸ Суворов Н. Н. Постмодернизм и современная культура. С. 500.

является следующей культурной доминантой рубежа XX–XXI веков. «Массовая культура, распространяемая средствами массовой коммуникации, является сегодня универсальным каналом трансляции основных смыслов и культур, подчиняющим своему формату все, что попадает в сферу ее влияния. Любой артефакт, принадлежащий и обыденной, и высокой специализированной культуре, втягиваясь в сферу ее влияния и, при этом, сохраняя свою форму, утрачивает часть собственных смыслов, проходя через процедуры адаптации»⁸⁹.

В массовом восприятии между искусством и развлечением стирается граница. У. Эко по этому поводу писал, что идеальный роман постмодернизма должен оказаться «над схваткой» элитарной и массовой прозы⁹⁰. Масса воспринимает искусство в качестве синтетической мечты в эмпирическую реальность и таким образом в процессе рефлексии отсекает реальность, имманентную искусству. Массовое искусство апеллирует к «деформированному сознанию» и подтверждает его выводы⁹¹.

Таким образом, понимание массовой культуры тесно связано с пониманием массы и ее социокультурных особенностей в эпоху постмодернизма. И если для Х. Ортега-и-Гассет массовая культура — это культура человека массы, под которым он понимал индивида с невысоким уровнем культурного развития, ярко выраженным мифологическим сознанием, завышенными амбициями, полуобразованного, с «комплексом самодостаточности», имеющего превратные представления о свободе, равенстве, смысле человеческого существования⁹²; то А. В. Костина показывает, что в современном мире массовая культура выполняет функцию по формированию единого социокультурного пространства как пространства диалога⁹³ и равно доступной всем членам общества знаковой системой. Кроме того, по мнению А. В. Костиной, именно массовая культура «смогла осуществлять ту циркуляцию смыслов и значений, которая составляет основу общественного единства и стабильности»⁹⁴.

⁸⁹ Костина А. В. Массовая культура: аспекты понимания // Знание. Понимание. Умение. 2006. №1. С. 34.

⁹⁰ Эко У. Заметки на полях «Имя розы». С. 462.

⁹¹ Суворов Н. Н. Постмодернизм и современная культура. С. 542.

⁹² Шендрик А. И. Глобализация в системе культурологических координат. С. 59.

⁹³ Костина А. В. Массовая культура: аспекты понимания. С. 33.

⁹⁴ Там же. С. 31.

Тем не менее, основными чертами массовой культуры являются примитивизация отражения человеческих отношений, социальный максимализм, культ успеха, развлекательность и сентиментальность. Массовая культура мифологизирует человеческое сознание, мистифицирует реальные процессы, происходящие в природе и человеческом обществе. Наконец, массовая культура стимулирует потребительское сознание у реципиента, что формулирует пассивное, некритическое восприятие этой культуры человеком. А это, в свою очередь выводит массовое общество на грань размывания ценностей⁹⁵.

Массовая культура черпает многое из популярной культуры, которая предшествует первой исторически и, находясь ближе к образам, языку идеалам народной культуры, реальнее отражает мифы и ориентиры народного сознания⁹⁶. Но массовая культура, будучи изначально ориентирована на включенность в коммерческую индустрию, сама синтезирует свою популярность. С помощью средств массовой коммуникации, радио и кинематографа, массовая культура заявляет основной составляющую развлечения и зрелищности как таковой. Ориентируясь на американскую модель популярной культуры⁹⁷, она навязывает реципиенту отношения к культуре как к доступному и демократическому механизму, рождающему спрос и регулирующему предложение. В связи с этим в западной социологической и философской литературе популярная культура отождествляется с массовостью, где термины «mass», «popular», «low» («низкий») функционируют как синонимы. В отечественной литературе массовая, популярная и народная культуры рассматриваются как функционально и содержательно автономные⁹⁸.

Но и вне разговора о популярной культуре массовая культура включает в себя категорию молодежи как основного реципиента. В эпоху «нового племенного» человека (т. е. человека, чьи мифы формирует «электронная информация») средства массовой комму-

⁹⁵ Макаревич Э. Ф., Карпухин О. И. Культура массовых коммуникаций: сущность, тенденции, индикаторы (окончание) // Знание. Понимание. Умение. 2008. №4. С. 24.

⁹⁶ Костина А. В. Популярная культура // Знание. Понимание. Умение. 2005. №3. С. 214.

⁹⁷ Рахимова М. В. Американская модель популярной культуры // Знание. Понимание. Умение. 2007. №4. С. 216-220.

⁹⁸ Костина А. В. Популярная культура. С. 214.

никации порождают новый тип культуры — «массовый», говорит один из первых теоретиков массовой культуры М. Маклюэн⁹⁹.

Современные же исследования говорят, что молодежью быстрее, чем старшим поколением, осваиваются не только сами вещи, рождаемые научно-техническим прогрессом и отвечающие на новые потребности людей (а нередко и порождающие новые потребности), — быстрее и шире осваиваются многообразные функции таких вещей. Таково, в частности, массовое овладение молодежью компьютерами, видео- и аудиотехникой, мобильными телефонами и т. д. со всем комплексом их коммуникативных, информативных, развлекательных и других возможностей¹⁰⁰, т. е. тех самых распространителей массовой культуры (по М. Маклюэну).

Таким образом, очевидно, что понимание массовой культуры невозможно вне системы средств массовых коммуникаций. Любой коммуникативный акт семиотичен: знак внимания, симпатии или антипатии, агрессии, подчинения, превосходства и т. д. В случае массовых коммуникаций разнообразные символические материалы производятся и массово распространяются посредством передачи и накопления информации — с целью воздействия на оценки, мнения и поведение людей¹⁰¹. Это воздействие может носить разный характер и, следовательно, — выполнять разные функции: социальной ориентации и социальной идентификации, участия реципиентов в формировании общественного мнения, самоутверждения и самопознания, эмоциональной разрядки и др.¹⁰²

Система массовой коммуникации создает «вторую реальность» — виртуальную — в субъективном мире человека. Эта реальность, в свою очередь, включается в систему массового потребления, когда массовый продукт становится ценностью¹⁰³. Таким образом, на смену архетипам и символам приходят в такой культуре стереотипы. «Стереотипы — это типичные способы восприятия и

⁹⁹ Маклюэн М. Галактика Гуттенберга / пер. с англ. А. Юдина. М. : Наука, 2004. С. 55.

¹⁰⁰ Луков Вал. А. Знаки и символы молодежи // Знание. Понимание. Умение. 2005. №3. С. 210.

¹⁰¹ Макаревич Э. Ф., Карпухин О. И. Культура массовых коммуникаций: сущность, тенденции, индикаторы (начало) // Знание. Понимание. Умение. 2008. №3. С. 31.

¹⁰² Кошлякова М. О. Имидж в системе массовой коммуникации // Знание. Понимание. Умение. 2011. №1. С. 218.

¹⁰³ Там же. С. 220–221.

реагирования на ситуацию, выражающие личностные качества и установки общения, которые формируются в процессе социализации индивида»¹⁰⁴.

Таким образом, массовая коммуникация представляет собой институционализированное производство и массовое распространение символических материалов посредством передачи и накопления информации (Томпсон). Аудитория, как потребитель информации, нередко отличающаяся социально-культурной неоднородностью, является не просто объектом воздействия, но и участником коммуникации¹⁰⁵.

Становление и широкое распространение массовых коммуникаций породило череду споров и мнений в научных кругах. М. В. Луков отмечает что миф, по Барту, — это коммуникативная система сообщений, и, отделяя культуру массовых коммуникаций от массовой культуры, говорит, что ориентирами в телевизионном «потоке» выступают не «готовые идеи», как в «массовой культуре», а мифы, так как они обладают способностью предельно сворачивать информацию с тем, что она может быть также и развернута, и это их качество принципиально важно в условиях «информационного взрыва»¹⁰⁶.

Та же мысль в другом исследовании звучит уже в резко критичном ключе: «Современная экранная культура существует как мифологическая реальность, подчиняющая сознание человека собственным законам функционирования. Манипулятивная «генеральность» современного способа формирования мифологической картины мира заключается в том, что человек не видит искусственных информационных сообщений»¹⁰⁷.

Эта критика в адрес массовых коммуникаций не является порождением XXI века. О телевидении как об инструменте манипуляций со стороны власти говорил еще Г. Маркузе в книге «одномерный человек» (1964)¹⁰⁸. Однако Г. И. Ермилова указывает на амби-

¹⁰⁴ Кошлякова М. О. Указ. соч. С. 222.

¹⁰⁵ Макаревич Э. Ф., Карпухин О. И. Культура массовых коммуникаций: сущность, тенденции, индикаторы (начало). С. 31.

¹⁰⁶ Луков М. В. Мифологизация и демифологизация в телевидении настоящего и будущего // Наука телевидения : науч. альманах. №3. М. : ГИТР, 2006. С. 46.

¹⁰⁷ Гулимова А. Н. Экранная культура как форма существования современной мифологии // Знание. Понимание. Умение. 2011. №1. С. 252.

¹⁰⁸ Маркузе М. Одномерный человек : Исследование идеологии развитого индустриального общества / пер. с англ. А. А. Юдина. М. : REFL-book, 1994. С. 109.

валентность этой одномерности: «Культурная индустрия, учреждающая средства массовой коммуникации, является индустрией шаблонов, что сказывается двояким образом: шаблон и преобразовывает мир, который представляет, и одновременно формирует и самих реципиентов»¹⁰⁹.

Наконец, авторы статьи «Культура массовых коммуникаций» Э. Ф. Макаревич и О. И. Карпухин радикально заключают, что по сути культура массовых коммуникаций — это культура социального контроля масс. А идеология — индикатор культуры массовых коммуникаций»¹¹⁰.

Если результативно функцией массовых коммуникаций является манипуляция человеком и обществом, то процессуально важно другое — визуализация и виртуализация взаимодействия в обществе, а также между обществом и самими массовыми коммуникациями. Говоря о телевидении, Г. Н. Гамалея замечает, что осваивая аудиовизуальное мышление и связанную с этим понятием культуру, мы забываем, что это технический термин, от латинской глагольной формы — разглядывание, рассматривание, возникший с развитием средств массовой коммуникации. Это, скорее, общая тенденция «визуализации» мышления человека в XX–XXI веках¹¹¹.

То же находим в исследовании, посвященном Интернету: «Пользователь Сети, выходя в Интернет, «находит там отраженную культуру и самостоятельно вписывается в тот или иной ее сегмент». Данный специфический тип культуры, к которому так или иначе приобщается языковая личность, социализируясь в виртуальном пространстве, накладывает большой отпечаток на все стороны общения. <...> Виртуальный дискурс предполагает особую сферу взаимодействия людей и, следовательно, бытования текста»¹¹².

Наконец о тех же процессах, происходящих в обществе, читаем в статье Г. И. Ермиловой: «В эпоху информации прослеживается тенденция нарастания визуализации, и само взаимодействие между людьми осуществляется не при непосредственном контакте, а на ме-

¹⁰⁹ Ермилова Г. И. Теленовости эпохи глобализации // Наука телевидения : науч. альманах. №4. М. : ГИТР, 2007. С. 116.

¹¹⁰ Макаревич Э. Ф., Карпухин О. И. Культура массовых коммуникаций: сущность, тенденции, индикаторы (начало). С. 38–39.

¹¹¹ Гамалея Г. Н. Конфликты на телевизионном поле культуры. Сотворение новой мифологии // Наука телевидения : науч. альманах. №3. М. : ГИТР, 2006. С. 22.

¹¹² Лутовинова О. В. Прецедентные феномены виртуального дискурса // Знание. Понимание. Умение. 2008. №2. С. 131.

дийном уровне, что определяет субъективную зависимость от медийных технологий в обществе, где утрачивается непосредственный межличностный контакт»¹¹³.

И здесь мы приходим к выявлению третьей культурной доминанты рубежа XX–XXI веков. По нашему мнению, ею является именно виртуализация. Виртуализация взаимодействия в обществе, а также между обществом и самими массовыми коммуникациями перерастает в общую тенденцию «визуализации» мышления человека в XX–XXI веках. Речь идет и о телевидении как о крупнейшем средстве массовой коммуникации, о мифологической реальности, образуемой компьютерным и интернет-пространствами, об искусственном интеллекте, доминирующем в глобализированном обществе.

А. И. Шендрик, говоря о глобализации и информационном обществе, указывает на социальный тип личности с «расщепленным» сознанием, и на Интернет как на основное средство связи и как на основной источник информации в этом обществе¹¹⁴.

Предпосылками виртуализации общественного сознания послужили информационное общество (то есть общество сетевых структур, децентрализованного управления, новых организационных стратегий, которые возникают как результат поиска альтернативных решений учёными и менеджерами, осознавшими <...> переменны, происходящие в потребностях вкусов покупателей¹¹⁵) и *социокультурный феномен компьютеризации* (то есть широкого внедрения в практическую деятельность человека и повседневный быт компьютеров — устройств для автоматизированной обработки, хранения и воспроизведения этой самой информации. Именно компьютеризация изменила способы коммуникации людей в масштабах планеты, именно компьютеризация как явно технологическое явление, внесло коррективы в понятие «социализация», которое «ныне должно включать как важную составную часть адаптацию не только к социальным связям, но и к информационным посредникам, к этой самой третьей реальности¹¹⁶). по данным разных исследований изменения стиля мышления и жизни возникают тогда, когда техниче-

¹¹³ Ермилова Г. И. Теленовости эпохи глобализации. С. 112.

¹¹⁴ Шендрик А. И. Информационное общество и его культура // Шендрик А. И. Культура в мире : драма бытия. М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2007. С. 694–698.

¹¹⁵ Там же. С. 692.

¹¹⁶ Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусы... С. 511.

ским нововведением начинает пользоваться более половины активной части населения, а данный рубеж уже переступили многие страны¹¹⁷. Компьютеризация может вызвать ряд негативных последствий — от возникновения компьютерной зависимости до распространения деструктивных образов и идей в глобальном информационном пространстве¹¹⁸.

Также для нашего исследования важны и другие последствия виртуализации, а именно — транслируемая ею мифология. А. Н. Гулимова, исследуя современную экранную культуру, выделяет три типа порождаемой ею новой мифологии: виртуальную мифологическую мегареальность, мифологическую реальность большого человека и мифологию человека всем обладающего и «всемогущего»¹¹⁹. Можно также утверждать, что человек в XX веке, впав в тотальную зависимость от катастроф, внешних обстоятельств, чувства вины за совершённые поступки, обращается к этой самой «третьей реальности», как к спасению — а она — эта третья реальность в виде телевидения и Интернета — берет на себя функцию излечения от болезней цивилизации, погружая общество в коллективный гипнотический сон, предлагая ему новую реальность и новую мифологию (Г. Н. Гамалея).

Вышеуказанные культурные доминанты рубежа XX–XXI веков (повторим, что по нашему мнению это — постмодернизм, массовая культура и виртуализация) обозначают главенствующие идеи, основные признаки и важнейшие составные части культуры современности. Именно с позиции одновременного существования этих трех культурных доминант обратимся в дальнейшем исследовании к современной театральной культуре. Важно подчеркнуть, забегая вперед, что таким образом постдраматический театр не будет тождественен театру постмодернистскому, а театр социального жеста не будет являться следствием только массовой культуры как культурной доминанты современности. Напротив — все три вышеуказанные культурные доминанты находят свои проявления в самых разных жанрах и способах существования театральной культуры. Но прежде, чем перейти непосредственно к театру — необходимо охарактере-

¹¹⁷ Скородумова О. Б., Меламуд В. Э. Компьютеризация // Знание. Понимание. Умение. 2005. №3. С. 212.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Гулимова А. Н. Экранная культура как форма существования современной мифологии. С. 255.

ризовать культурную ситуацию в современной России и взглянуть на ее культурную политику.

Культурная жизнь формируется не только под влиянием спроса (зрительских интересов), но и под влиянием предложения (культурной политики государства). Говоря о современной России, стране, в которой проживают представители около двухсот национальностей, то здесь принципы многокультурности (или политика мультикультурализма) в некотором смысле становятся показателем уровня демократичности, основой для социального взаимодействия. О. Н. Астафьева, приводя выдержки из канадского (Канада — первая страна, провозгласившая соответствующую политику) Акта о мультикультуризме (т. е. закона о сохранении и развитии многообразия культур в Канаде)¹²⁰, резюмирует: «Если культурный плюрализм — это принцип, допускающий многообразие культурного самовыражения, возможность сосуществования разных субкультур в пространстве национальной культуры, разных культур в границах единого территориального образования в условиях гражданского общества, то мультикультуризм — это стратегия демократического государства, направленная на достижение определенного «качества» взаимодействия культур в одной стране, причем это качество изначально установлено — мирное сосуществование, основанное на толерантном отношении к различным культурам»¹²¹.

Но степень толерантности и демократичности — скорее результат той или иной культурной политики. Говоря же об инструментах культурной политики, О. Н. Астафьева указывает на телевидение, которое «вырабатывает культурный (в том числе и моральный) языковой код, выступая механизмом распространения информации с помощью технических средств и инструментом воздействия на общественное сознание, но это еще и один из действенных способов осуществления связи и взаимодействия людей в современной социокультурной среде. Коммуникация обеспечивает диалогическое пространство рационально-критического (дискуссионного) обсуждения социальных проблем, без которого не может состояться выявление новых норм и ценностей, культурных смыслов, выступающих

¹²⁰ Астафьева О. Н. Культурная политика государства: вопросы о реально существующем и потенциально возможном // Знание. Понимание. Умение. 2008. №4. С. 17.

¹²¹ Там же. С. 15–16.

ориентирами для развития общества»¹²². Подчеркнём принцип диалога, свойственный не только культуре постмодернизма, но и являющийся ключевой категорией в понимании театральной природы. И это не единственная точка соприкосновения. Мифологизированное мышление общества позволяет создавать иной — социальный — театр, в котором посредством моды, имиджа создаются роли, а посредством дизайна — декорации. «В СМК функционируют не реальные объекты, а их образы, представленные в определённом контексте, в соответствии с продуманными технологиями трансляции их качеств и характеристик. Создаются образы «героя», «негодяя», «звезды», «лидера», «бюрократа» и др.»¹²³. СМК создают в социуме нормативно-ценностные представления, которые реализуются через деятельность образов, их интересы, мнения по общественно значимым проблемам. В сочетании с реальными условиями реальной жизни формируются такие понятия как «образ жизни» и «стиль жизни».

Что касается дизайна, то здесь интересно исследование Вл. и Вал. Луковых. Авторы в попытке дать определение дизайну приходят к выводу, что проблема состоит не только в недостатке формулирования, но и в быстром изменении назначения и функций дизайна в современной культуре, дизайнерской экспансии в сферы, которые раньше с ним не ассоциировались¹²⁴. В результате, в понимании дизайна авторы подчеркивают такие факторы как позиционирование внешней стороны реальных и виртуальных объектов и субъектов повседневной культуры, создание модного силуэта с целью повышения успеха презентации феноменов этой культуры без прямой связи с их функцией, содержанием и семиотическим значением, но в связи с интересами, вкусами, стереотипами реципиента дизайна, на учете которых строится его эстетическое и социальное воздействие¹²⁵.

Данные проявления массовой культуры как одной из культурных доминант современности граничат с проявлениями виртуализации. Так, М. В. Луков, связывая детское мифологическое мышление и современное телевидение, заключает, что если подняться над конкретикой мифов и сформулировать «мегамифы», в наиболее общем

¹²² Астафьева О. Н. Указ. соч. С. 19–20.

¹²³ Кошлякова М. О. Имидж в системе массовой коммуникации. С. 220.

¹²⁴ Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусы... С. 469.

¹²⁵ Там же.

виде характеризующие детский фольклор, то на первое место выйдет мегамиф о счастливом конце любой истории. Современное телевидение пронизано этим мегамифом, идет ли речь о сюжетах сериалов или о новостных программах. Этот определяющий телевизионный мегамиф о счастливом случае наиболее часто реализуется в историях о современных Золушках¹²⁶.

Исходя из этого, меняется сам подход к тому или иному художественному творчеству, а следом — и к искусству как к компоненту культуры. Причем изменения происходят как на уровне производства, так и на уровне потребления. Синтез, игра, ирония, коммерциализация (и потребительство), виртуализация, стереотипичность — такими установками наполняется современная культура и художественное (в широком смысле) творчество, зачастую превращаясь в стилизацию (а иногда и попросту в погоню за имиджем), в повторение повторения и ироничное переосмысление всех предшествующих культурных традиций, провозглашая вместе с постмодернизмом принцип переоценки всех ценностей¹²⁷. В других отдельных случаях «открытость» произведения выступает как возможность толковать содержание на тысячи ладов, не утрачивая при этом своего неповторимого своеобразия. «Неформальное» как и любое открытое произведение, приводит нас не к возвещению смерти формы, а к более четкому ее пониманию — формы как поля возможностей¹²⁸.

Художник (в широком смысле) оценивается сегодня не по его знаниям законов искусства (как это происходило ранее), а по успеху его деятельности, измеряемому его способностью заставить общество принять и одобрить свои произведения. Успех художника связан не только с качеством его произведений, но и с «качеством его личности». Да и неуспех художника — это не критика, а в первую очередь отсутствие *любой* информации о нем¹²⁹. Постмодернизм как культурная доминанта современности вводит свои критерии худо-

¹²⁶ Луков М. В. Мифологизация и демифологизация в телевидении настоящего и будущего. С. 50–51.

¹²⁷ Заева-Бурдонская Е. А. Традиция в методике организации работы дизайнера среды // Театр. Живопись. Кино. Музыка : сб. науч. трудов. №3. М. : Изд-во Росс. ун-та театр. иск-ва ГИТИС, 2010. С. 107.

¹²⁸ Эко У. Открытое произведение. Форма и неопределенность в современной поэтике / пер. с итал. А. Шурбелева. СПб. : Академический проект, 2004. С. 204.

¹²⁹ Мироненко Е. А. Смысловое содержание творчества художника в современном обществе // Знание. Понимание. Умение. 2010. №4. С. 245.

жественного творчества. Критерий определения понятия художника сводится к самоопределению. Этот критерий принят ЮНЕСКО в 1980 г. в рекомендации, касающейся статуса художника, которая предлагает считать художником «всякого, кто рассматривает свою художественную деятельность как основную часть своего существования, кто вносит, таким образом, вклад в развитие искусства и культуры и кто признан или претендует на то, чтобы быть признанным художником, независимо от каких-либо отношений занятости или профессиональных ассоциаций»¹³⁰.

Что происходит с театральной культурой в данной культурной ситуации? Ориентируясь на идеологию доминант современной культуры, театр, как ее часть, сам рождает в себе новые, в том числе и жанровые доминирования.

Во-первых, следуя за идеологией постмодернизма как одной из доминант современной культуры, театр вбирает в себя многие черты предыдущих течений. Общее умонастроение эпохи, а именно — разочарование в прошлом, влечет ее к переосмыслению этого прошлого, причем, к переосмыслению ироничному. Вслед за постмодернизмом и театральная культура начинает играть со зрителем в интеллектуальные игры, используя для этого самые разные формы: от социальных и общественно-политических до сугубо творческих и лабораторных. По словам М. А. Захарова, «как бы мы ни гипнотизировали самих себя, следует помнить, что наш зритель уже давно выучил наизусть все “события” в классической драматургии вместе со всем набором актерских телодвижений и интонаций»¹³¹. В результате в современном театре широко распространяются всевозможные читки, спектакли *work-in-progress* (то есть показы промежуточных стадий работы), интеллектуальные коллажи, документальные спектакли; спектакли об авторе, об историческом персонаже, о том или ином событии, а не спектакли по тому или иному драматическому литературному материалу.

Кроме того, «драматургическое» по всем канонам постановочного жанра стало входить в социальную жизнь. Обострение социального конфликта, психическое состояние публики, катастрофи-

¹³⁰ Heinich N. Être artiste. Les transformations du statut des peintres et des sculpteurs. P. : Klincksiesk, 1996. P. 68.

¹³¹ Захаров М. А. Режиссура зигзагов и монтаж экстремальных ситуаций // Мастерство режиссера : I–V курсы : сб. статей. М. : РАТИ-ГИТИС, 2007. С. 352–353.

ческая (реже — комическая) развязка стали атрибутами новостного производства, политической режиссуры, шоу-бизнеса¹³². Общество перестает нуждаться в театре как в пространстве сюжетов и персонажей, получая их от телевидения, политических и социальных событий повседневности. В такой ситуации театр смещает акценты не только в своих формах, но и в своих методах, в целях собственного существования, словно повторяя за М. Хайдеггером, что «совершенное владение техникой или ремеслом есть лишь предпосылка художественного творчества»¹³³. В результате широкое развитие приобретают прежде периферийные жанры. Смещение жанров обретает симптоматические размеры. Так, например, уже плотно укоренилось включение балета и современного танца в драматические спектакли, и шире — пластические и танцевальные спектакли с участием только драматических артистов.

Во-вторых, зритель, вбирая в себя идеологию массовой культуры, как следующей культурной доминанты современности, сам образует «общество спектакля», где мифологизированное мышление создает свой социальный театр, в котором посредством моды, имиджа создаются роли, а посредством дизайна — декорации. Массовая культура мифологизирует человеческое сознание и стимулирует его потребительское, и в то же время — пассивное, некритическое восприятие. А это выводит массовое общество на грань размывания ценностей. Театр же во многом идет навстречу этому человеку массы, полуобразованному, с «комплексом самодостаточности» и завышенными амбициями. Так театральное искусство как компонент культуры на глазах заметно преобразуется, встав на путь слияния театра и бизнеса, театра и клубной культуры, превращая театр в «рынок культурных услуг». В этих условиях широко развивается антреприза, производящая «зрелище яркое, броское, «одноразового пользования», без каких-либо сценических поисков и открытий»¹³⁴. Но и в целом — даже неантрепризный среднестатистический спектакль сегодня представляет собой по форме — некий удобный, но

¹³² Мальковская И. А. Зрелищная эволюция: от драматургии социального к метаморфозам субъектного // Наука телевидения : науч. альманах. №4. М. : ГИТР, 2007. С. 59.

¹³³ Хайдеггер М. Исток художественного творения / пер. А. В. Михайлова. М. : Гнозис, 1993. С. 56.

¹³⁴ Демин Г. Русский театр начало XXI века: время выживания // PRO SCENIUM. Вопросы театра : сб. науч. трудов. М. : КомКнига, 2006. С. 82–83.

«не индивидуальный» стиль ИКЕА, дистиллированное пространство евроремонта, стиль деловой, холодной актерской игры; по содержанию — максимальный набор «страховочных тросов», способных удержать зрителя в зале: спецэффекты, доступная пониманию всех проблема завышенного самомнения (или, напротив, — комплекса неполноценности), «звездный» состав актеров.

Здесь важно подчеркнуть синтетическую природу театра в несколько необычном понимании. Дело в том, что, с одной стороны, сценическое искусство — епархия художников; с другой стороны, театральная репертуар — результат регулярной коллективной художественной деятельности, подразумевающий производственные циклы; наконец, театр зависим от восприятия зрителя, и в то же время обладает большой властью над ним же. В этой ситуации зрительский интерес приобретает экономическое значение. И тут Аполлон возмущенно уступает место Гермесу, и «вкус казино проникает в души». Зачастую синонимами «коммерческого» в этом понимании выступают «продажное», «конъюнктурное», а также «халтурное», «кичевое» и «низкопробное». Разумеется, и сам этот термин, и его синонимы не являются научными, тем не менее, они характеризуют отношение. Поскольку частные театры более других зависимы от пожеланий публики, то и слово «антреприза», изначально подразумевавшее «частный театр», в общественном сознании превратилось в «театр коммерческий», к которому принято относиться отрицательно или пренебрежительно. Соответственно, продукция антрепризы и само ее существование автоматически причисляется театральной общественностью к низшим жанрам и формам современной театральной культуры.

Третья разновидность взаимосвязи театра и культурных доминант современности связана с виртуализацией и компьютеризацией жизни; с тем, что Интернет сегодня позволяет сделать все более доступным, а, следовательно, театральное искусство становится все менее элитарным. Понятие «социализация», которое, как показано выше, ныне должно включать и адаптацию к информационным посредникам, реализуясь в Интернете, не только предлагает новые ориентиры и новые жанровые явления, но и зачастую, наоборот, — усиливает замешательство реципиента. Его интерес смещается от громких общеизвестных имен к гораздо менее популярным и более специфичным; при чрезмерном количестве предлагаемых культурных продуктов навига-

ция в этом пространстве становится затруднительной, а критерии оценки зыбкими. Театр и другие зрелищные искусства (не только «творцы», но и аудитория) сегодня бытуют в новой — медийной — реальности. Постоянно нарастающий поток информации способствует подмене размышления поглощением, собственное мнение все чаще заменяется общепринятым. Шквал ярких красок и звуков приводит к возникновению феномена «клипового сознания», удовлетворение которому приносит скорость смены впечатлений, а не глубина содержания. Следом появляется Интернет-зависимость¹³⁵.

Театральная культура пользуется этим не только из-за беспрецедентно быстрой связи с массами пользователей сети, но и в связи с тем, что с помощью блогов и социальных сетей «всемирная паутина» сама нередко формирует особый формат спектакля, в котором такого рода спектакль (иногда еще не вышедший) предстает в виде фотографий, трейлеров, музыки, обсуждений, хроник репетиционных процессов и промежуточных стадий работы.

**«ВЛАСТЬ ДЕНЕГ»
КАК КОНСТАНТА ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ:
ТЕЗАУРУСНЫЙ ПОДХОД
(СИСТЕМА ДОКТРИН МЕРКАНТИЛИЗМА)**

Е. А. Шустова

Тезаурусный подход среди современных методологических походов познания социальных и культурных процессов и явлений в последнее время получил широкое признание научного сообщества.

Основоположниками тезаурусного концептуального подхода являются Вал. А. Луков, Вл. А. Луков, следовавшие за ними Н. В. Захаров, Б. Н. Гайдин и другие участники создания научной школы «Тезаурусный анализ мировой культуры», помогающей молодым исследователям осваивать новейшие методы теоретического осмысления гуманитарного знания.

¹³⁵ Дрепа М. И. Интернет-зависимость как объект научной рефлексии в современной психологии // Знание. Понимание. Умение. 2009. №2. С. 189–193.

Тезаурус как особая форма гуманитарного знания, хранящая в слове/образе определенную освоенную субъектом часть действительности, строится по принципу «свое-чужое-чуждое»¹³⁶. Здесь «знания сплавлены с установками и существуют по законам ценностно-нормативной системы»¹³⁷, имеющей свои особенности и характеристики.

«В работах, основанных на тезаурусном подходе, большое место занимают проблемы гуманитарных (или культурных) констант, которые отличаются от естественнонаучных констант, в принципе неизменных (например, число π), при сохранении инвариантной основы множественностью форм, смыслов, интерпретаций»¹³⁸. Образующие ядро системы знания, тезаурусные константы позволяют проанализировать развитие, приспособление и изменение гуманитарного знания под действием объективных обстоятельств, его ориентацию в пространстве и трансформации его иерархии в соответствии с изменениями ценностных установок.

Тезаурусный подход дает новые средства для понимания и описания гуманитарного знания и особо раскрывает проблему динамики ценностей. Он позволяет по-новому взглянуть на вопросы, решаемые гуманитарным знанием, в частности экономической мыслью. Положительная особенность применения тезаурусного подхода заключается в его возможности сглаживать противоречия основных экономических концепций, выдвигаемых выдающимися представителями экономической мысли, благодаря значимым характеристикам тезауруса.

Обратимся к одной из них: динамизм, понятие, которое при тезаурусном подходе может пониматься как нахождение в разных

¹³⁶ См.: Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусы : Субъектная организация гуманитарного знания. М. : Изд-во Национального ин-та бизнеса, 2008.

¹³⁷ Кулешова А. В. Концепция тезауруса в социологии как основание для анализа ценностных ориентаций городских подростков // Тезаурусный анализ мировой культуры : сб. науч. трудов. Вып. 18 / под общ. ред. проф. Вл. А. Лукова. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2009. С. 18.

¹³⁸ Иванов А. Н. Константы шведской культуры : тезаурусный подход // Тезаурусный анализ мировой культуры : сб. науч. трудов. Вып. 18 / под общ. ред. проф. Вл. А. Лукова. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2009. С. 51. См.: Гуманитарные константы: Материалы конференции Института гуманитарных исследований МосГУ 16 февраля 2008 года: сб. науч. трудов / отв. ред. Вл. А. Луков. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 2008; Гайдин Б. Н. Вечные образы как константы культуры // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 2. С. 241–245; и др.

состояниях в разные моменты времени событийного набора тезауруса, обусловленного ценностно-нормативными установками, проглядывается в каждой из концепций на протяжении всего времени их развития. В этом ключе рассмотрим тезаурус сторонников меркантилизма, главного направления экономической мысли в XV–XVII веков, яркими представителями которого являлись У. Стаффорд, Т. Ман (Англия), Де Сантис, Г. Скаруффи, А. Серра (Италия), А. Монкретьен (Франция). В силу исторических особенностей периода того времени, ознаменовавшихся развитием торговли и повышенным интересом к драгоценным металлам, обусловившим колониальные захваты, экономическая политика таких государств, как Англия, Голландия, Испания, Португалия, Франция, была всецело направлена на увеличение государственной казны. Так в тезаурусе сторонников концепции меркантилистов деньги являлись основным источником процветания нации, а сфера их обращения, обеспечивающая активный денежный оборот, — главным механизмом обогащения.

В своем историческом развитии концепция прошла два этапа: первый — «ранний меркантилизм» — относят к первой трети XV — середине XVI века, второй этап — «зрелого меркантилизма» — связывают со второй половиной XVI века и последующими годами¹³⁹. Наиболее яркие представители раннего меркантилизма придерживались такой точки зрения, согласно которой обогащение наций возможно благодаря накоплению денежных средств (в том числе драгоценных металлов, золота и серебра, выполняющих функцию денег) за счет превышения суммарной массы их ввоза над вывозом, т. е. удержания их внутри страны с помощью всевозможных административных мер, препятствующих вывозу денег. Так, широко известный «Закон об истрачивании», принятый в Англии, обязывал всех иностранцев, привозивших товары в страну, тратить свою выручку на покупку английских товаров. Часто вспоминается и то, что в Испании за вывоз денег в XVI веке законом полагалась смертная казнь.

В Германии утвердилась особая форма меркантилизма — мерализм, Ф.-Л. фон Зекендорф в труде «Немецкое княжеское государство» (1656), а за ним Ф. Герниг, В. Шредер, австриец Й. Бехер

¹³⁹ Произведения представителей доктрин меркантилизма представлены в изд.: Меркантилизм / под ред. И. С. Плотникова. Л. : Соцэкгиз, 1935.

настаивали на том, что продавать товары важнее, чем их покупать: первое приносит выгоду, тогда как второе — убыток, и установление этого соотношения относится к функции государства.

«Мерцание»¹⁴⁰ инстанций «свое-чужое-чуждое» тезауруса меркантилистов просматривается в «зрелом» его этапе, когда его представители стали делать упор на развитие внешней торговли как источника накопления денежных средств. В связи с этим изменились механизмы достижения главной цели — экономическая политика государства стала направлена на увеличение товарооборота между странами, причем вне зависимости от вывоза или ввоза товаров, реализуемых ради денежных средств. Здесь «чужое» в тезаурусе меркантилистов в виде вывода о взаимовыгодном характере торговли стало «своим», помогающим достижению итоговой цели, в виде мысли, так точно оформленной Д. Дефо: «Выгода — вот чему служит обмен товарами... такой обмен приносит взаимную прибыль торгующим»¹⁴¹.

При анализе тезаурусов меркантилистов разных стран также можно говорить о его динамизме, при сохранении существенной части действительности, выраженной в стремлении накопления денежных средств внутри государства, влияние внешних особенностей разных стран корректируют тезаурус, незначительно меняя его событийный набор.

Так, наиболее развитыми и обобщенными считались идеи меркантилистов Англии. В Италии пытались анализировать факторы, способствующие увеличению оборота внешней торговли, классифицируя рабочую силу, анализируя роль правительства и процессы развития коммерции в стране. Один из представителей позднего меркантилизма Антонио Серра в работе «Краткий трактат о причи-

¹⁴⁰ Мерцание — характеристика динамизма тезауруса: «Динамизм характеризует саму основу тезауруса, если в нем видеть *актуализированные* смыслы. Дистанция *своего* и *чужого* меняется как бы в режиме мерцания, здесь нет опоры на одномерность значений. Накопление событий в тезаурусе — а это не что иное, как расширение личного и/или коллективного опыта — сокращает либо, напротив, увеличивает дистанции поддерживаемого, оставляемого без внимания и тем более — отторгаемого». — Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусы : Субъектная организация гуманитарного знания. М. : Изд-во Национального ин-та бизнеса, 2008. С. 160.

¹⁴¹ Высказывание Д. Дефо, относящееся к 1713 г., приводится в: Pre-classical Economic Thought / ed. by S. T. Lowry. Boston etc., 1987. P. 158. См. также: Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе / пер. с англ. М. : Академия маркетинга ; Дело, 1994.

нах, которые могли привести к изобилию золота и серебра в тех королевствах, где нет рудников применительно к Неаполитанскому королевству» (1613) отмечает, что наиболее выгодным для страны является производство продукции не аграрного сектора, в силу индивидуальных физических свойств, важных для периода того времени, а именно: способности выдерживать длительные сроки хранения.

В Германии меркантилизм сводился к фискальной политике государства в основном из-за экономической отсталости и политической раздробленности страны. В тезаурусе немецких мыслителей основой накопления считался экспорт товаров.

В России идеи меркантилизма связаны с экономической политикой, проводимой Петром I. Значительно отставая в своем развитии от стран Запада, экономика России того периода характеризовалась господством натурального хозяйства и ограниченностью товарооборота, что во многом объясняет схожесть принципов выстраиваемости тезаурусных конструкций русского меркантилизма с концепциями немецких меркантилистов.

Тезаурусные конструкции меркантилизма можно увидеть в разных концепциях экономической мысли. Поскольку ключевым стало представление о «власти денег», т. е. о том, что деньги являются основным источником процветания нации, а сфера их обращения, обеспечивающая активный денежный оборот, — главным механизмом обогащения, то это представление можно отнести к своего рода тезаурусной константе европейской культуры, которая обусловила развитие многих сфер жизнедеятельности человека, живущего в Европе.

Критика меркантилизма была развита Адамом Смитом в «Исследовании о природе и причинах богатства народов» (1776): не власть денег, золота лежит в основе богатства народов, считал он, а величина основного капитала, уровень потребления. Фридрих Лист, предтеча исторической школы Германии, также критически относился к теориям меркантилистов и считал, что предпосылка создания национального богатства заключается в формировании и развитии производительных сил страны («Национальная система политической экономии», 1841).

Карл Маркс критиковал меркантилизм за поиск источников обогащения нации в сфере обращения, воспринимая это знание как

«чужое», однако, позже, относя данную тезаурусную конструкцию в своем учении к эпохе «первоначального накопления капитала», превратил его в «свое», рассмотрев данную мысль с позиции возможности обеспечения притока денежных средств в страну, восприняв данное знание как константу тезауруса. В XX веке Джон Кейнс рассматривал концепцию меркантилистов в своей главной работе «Общая теория занятости, процента и денег» (1936)¹⁴². Стремление кейнсианства к процветанию нации через грамотную экономическую политику государства, недоверие к капиталистическому свободному рынку вытекает из тезаурусной конструкции меркантилистов. Предложенная столетия назад, концепция меркантилизма, ставшая первой теоретической основой капитализма, в ряде своих положений до сих пор используется многими странами для защиты интересов национального производителя.

Для экономической мысли концепция меркантилизма стала ценной благодаря формированию понятия «национального богатства», выразившегося в тезаурусной константе всей европейской культуры, которую можно кратко сформулировать как «власть денег», что позже стало базой научного приращения экономического знания в частности, а также гуманитарного знания в целом.

¹⁴² Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег / пер. с англ. Н. Н. Любимова; под ред. Л. П. Куракова. М. : Гелиос АРВ, 2002.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Луков Вл. А.</i> Научный проект «Тезаурусный анализ в гуманитарном знании»	3
<i>Луков Вал. А., Луков С. В.</i> Принцип тезаурусного расширения индивидуального межкультурного пространства	10
<i>Луков Вал. А., Луков Вл. А.</i> Научные идеи, родственные тезаурусному подходу. Статья 2: Зиновьев, Анохин, Судаков	21
<i>Агранат Д. Л.</i> Тезаурусное исследование социализации в тотальном институте: молодые сотрудники органов внутренних дел	35
<i>Аронин С. В.</i> Культурные доминанты рубежа XX–XXI веков как решающий фактор эволюции культурных форм театра	51
<i>Шустова Е. А.</i> «Власть денег» как константа европейской культуры: тезаурусный подход (система доктрин меркантилизма)	71

Сведения об авторах:

Агранат Дмитрий Львович — доктор социологических наук, декан юридического факультета Московского гуманитарного университета, профессор кафедры социологии МосГУ.

Аронин Сергей Владимирович — соискатель кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета, театральный режиссер.

Луков Валерий Андреевич — доктор философских наук, профессор, проректор Московского гуманитарного университета по научной и издательской работе — директор Института фундаментальных и прикладных исследований МосГУ, заслуженный деятель науки РФ, вице-президент Русского отделения Международной академии наук (IAS, Инсбрук), академик МАНПО.

Луков Владимир Андреевич — доктор филологических наук, профессор, директор Центра теории и истории культуры Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, заслуженный деятель науки РФ, академик-секретарь Секции гуманитарных наук Русского отделения Международной академии наук (IAS, Инсбрук), академик-секретарь МАНПО.

Луков Сергей Валерьевич — кандидат социологических наук, заместитель директора Центра социологии молодежи Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета.

Шустова Елена Алексеевна — аспирант кафедры экономических и финансовых дисциплин Московского гуманитарного университета, заведующая отделом научных проектов Управления аспирантуры, докторантуры и научной работы МосГУ.

Научное издание

**ТЕЗАУРУСНЫЙ АНАЛИЗ
МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ**

Сборник научных трудов

Выпуск 23

Под общей редакцией профессора Вл. А. Лукова

Издательство Московского гуманитарного университета

Печатно-множительное бюро

Подписано в печать 18.08.2012 г. Формат 60×84 1/16

Усл. печ. л. 5,0

Тираж 100 Заказ №

Адрес: 111395, Москва, ул. Юности, 5